

Valentin
Gurzhi

ПОСЕЛОК

FAUNA-DOBRYNI

Валентин Гуржи

Поселок

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Гуржи В.

Поселок / В. Гуржи — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Перед выбором Дороги – что важнее? Творчество, свободное от сторонних давлений, не связанное бременем житейских системных обязательств и жизнь в придуманном то-бою мире. Или традиционная семья, предназначение которой – существование ограниченное сытной едой, сладким сном, просмотром телевизора, постоянной гонкой за благо-состоянием... Герой Поселка выбрал первое. Пожертвовал всем, что могло дать второе и даже Любовь, искренности какой возможно и не было. Взамен получил свободу творчества, страдание за прошлое, чувство неискупаемой вины перед обиженными... Куда ведет дорога? Ради чего все это?

поселок

*Мы все на Земле
живем близко,
но так далеки
друг от друга!*

(1993 год – V.G.)

Глава 1

Харьков, Роберт

Трамвай весело мчался низменностью от Харьковского Тракторного Завода по проспекту Тракторостроителей мимо пригородных домиков к неслабому перекрестку Салтовской магистрали. Слева проплыла ярко освещенная автозаправка. Справа в ночной непроницаемости возлежало глубокое озеро района. На пляжных, уютно обросших кустарниками пятачках, оно старательно скрывало редкую затормозившую на ночь влюбленную пару или случайно забредшего одинокого страдателя хмельного запоя, разумно

решившего отлежаться здесь подальше от милицейского наряда – охотников за плановыми
алкоголиками.

Озеро парило глубоко внизу дамбы. По краю пролегла длинная трамвайная трасса, помеченная на всем семикилометровом пути тремя остановками, и Роберт, чтобы не проехать

свою остановку на этом участке, внимательно присматривался к бегущему за окном асфальту

шоссейной дороги, по привычке протирая стекла очков, будто от этого за вагонным стеклом

неожиданно может просветлеть. Очки были импортные, он их жалел, каких в Советском Союзе в доступных оптиках не сыщешь – подарка случайного знакомого по вагону, поклонника Роберта-автора детективных романов, – когда возвращался в Харьков из командировки в Москве, где проходило заседание Ученого Совета АН СССР.

Маленький поселок, вплотную примыкающий к капитальным домам, с году на год, в текущих восьмидесятих обещанный властями под снос, взбирался на гору и в ночной мгле

просматривался вдали мелким бисером. Проезжая мимо, каждый раз мысленно возникала

проселочная грунтовая улица с асфальтированными узкими по обе стороны дорожками, и дом

Татьяны... Почему-то Татьяна виделась ему по-разному, в различном настроении и всегда

одна... в этом Поселке... Взбирающемся в гору. .

Обычно здесь трамвай прибавлял скорости, словно пробовал свои силы перед крутым подъемом, но в этот раз вагоновожатый не торопился. Трамвай медленно и, как показалось

Роберту, демонстративно ехал мимо проспекта залитого желтым светом галогенных ламп.

Посередине серой пустынной трассы одиноко прогуливался совершенно голый мужчина средних лет. Воновожатый трамвая очевидно заинтересовался смелым шоу и, откровенно

почувствовав себя в роли неожиданного продюсера, решил вознаградить своих пассажиров

необычным зрелищем.
Роберт снял очки, протер стекла, присмотрелся. Голый мужчина вышагивал босым бодрым шагом по гладкому теплому после жаркого дня асфальту, одной рукой тщательно
1
придерживал свои интимности, другой – голосовал появившемуся очень редкому в это позднее время движущемуся средству. Вагоновожатый притормозил, перешел на тихий ход,
чтобы получше рассмотреть сцену встречи смелого водителя с представителем нетрадиционного аттракциона и не пропустить кульминационный момент представления. Водитель машины затормозил, видно о чем-то спросил Голого, потом корректно тихо уехал, а
шоумен снова принял привычную позу автостопа. Чем закончился сюжет, так и не довелось
узнать – вагоновожатый продолжил путь и на следующей остановке Роберт вышел. Десятиминутная дорога пешком домой обеспечила простор предполагаемых дальнейших приключений Гастролера на пустой ночной дороге.
Впрочем, Голый Гастролер чем-то напомнил ему его самого, Роберта в прошлом. Напомнил оставленных в двухкомнатной квартире жену, сына и дочь со всем, что в ней было.
Напомнил, как ушел в чем был, даже не ощутил, как был одет. А может никак? Ведь чувствовал себя, наверное, таким же совершенно голым, как и этот Гастролер на трассе. Следом всплыл в памяти Назаров. Сегодня прилетел он из Майами, где проходила Международная конференция Биоэнергетики. Центром внимания представляло уникальное
открытие профессора Владимира Назарова и Роберта Корнева, инженера-исследователя Института АН СССР, генной методики борьбы с терроризмом. В последний момент своего
отлета в Советский Союз Назаров сообщил Роберту по телефону, сказал «Это на всякий случай, если что...», их новая работа закончена и на этот раз гарантирована безопасность
использования ее нехорошими парнями в своих чудовищных целях. «На всякий случай» – ему
напомнил жестокий эпизод убийства, (а он уверен, что это был не несчастный случай) гениального ученого, Сабурова, сбежавшего с психушки на симпозиум Научного Совета
в
Главном Лектории, где обсуждалось как раз это их с Назаровым научное открытие. Оригинал
Назаров взял с собой, а копию в пакете, чтобы не привлечь стороннего внимания, доставит
доверенный человек, летящий вместе с Назаровым в Москву. Назаров так же запретил встречать его, своего друга, в аэропорту. Человек поместит пакет в ячейку камеры хранения
Харьковского «Южного вокзала» под номером... Роберт запомнил цифры кода, но прокручивать даже в памяти наивно отказался. И беспокоиться было от чего: откровенно обнаженный, как этот Гастролер на свободной ночной трассе, в железном ящике камеры хранения сейчас, наверное, доступно лежит пакет – предмет всемирного значения, в котором
Назаров, завершил идею Роберта!

Он повторил фразу, словно не только для него, Роберта, произнесенную Володей по международному телефону о невозможности использования новой методики в целях насилия, и усмехнулся воображаемому террористу: пусть себе захватывает всеми известными и неизвестными бандитскими методами, целует в попку их с Назаровым труд. Словом, пусть, изучает. Но все равно, без Роберта Корнева, породившего феноменальное открытие, воспользоваться им просто так не сможет. Почему? Да очень просто: для этого, по меньшей мере, нужно знать инициации и мантры, выработанные Робертом, носителем в собственной памяти, и никому от «а» до «я» не произнесенных вслух. И не это главное. Для внедрения «Практического пособия» в целях агрессии и террора нужны другие тесты. Усмехаясь, Роберт окрестил свои тесты «уникальным кодом». Их невозможно родить человеку с неразвитым интеллектом, и тем более – не владеющим специальными знаниями. А террористы, как правило, народ дебилный, иначе не назывались бы людьми Земли этим проклятым словом. Роберт ликовал, вспоминая их с Назаровым перед отъездом Володи в Майами разговор на эту тему. Завтра чуть свет, он заберет то, что передал Назаров, и потом спокойно и терпеливо будет ждать от него звонок. И не откроет пакет, как просил Назаров, пока не закончит работу над прибором, активатором психики, подавляющим агрессию, – начальным лабораторным 2 вариантом разработки в электронном исполнении, – чтобы исключить случайное влияние присланных Назаровым результатов на конструкцию прибора. Логически завершив мысль, он даже забыл про Голого на трассе. И вероятно вспомнил бы, но пути на это не хватило. Палец нажал кнопку, и милый голосок жены разбудил совсем другие чувства и мысли... – Тебе звонил какой-то мужчина. Сказал... я запомнила почти дословно, Роберт. Кажется так: «скажите ему, чтобы он был осторожен на пути к дому и пусть хорошенько запрячет то, что принесет, от всех, даже от домашних»... Несколько секунд он стоял возле открытой входной двери, будто решал, заходить ему в квартиру после такого шокирующего сообщения или немного подождать до полного прояснения. Рассудив по-своему как не врубившегося сразу в сказанное ею занятого мужа другими мыслями, Женечка принялась спокойно и методично объяснять то, что ей казалось очевидным: – Смотри: вначале берешь что-то, что тебе приготовили. Потом, возвращаясь домой с этим, будь очень осторожен. Уж не знаю, в каком смысле... Тебе лучше...

– Ладно, дорогая, – досадно махнув рукой, перебил он, – если не знаешь, то и не объясняй.

Разберемся, – добавил, понимая, что наверняка не разберется. Уж больно силен был удар по

голове, что смог напрочь отключить соображалку, как выражался его друг и непосредственный начальник, Виталий Иванович. – Кем назвался?

– Никем. Он даже не назвал твоего имени, представляешь! – заметила она, ставя на стол блюдо с нарезанным хлебом и салат из огурцов и помидоров.

– То есть?

– Вообще. Только взяла трубку, сказала «да» и сразу. . как будто мы с ним только что прервали разговор. Я не успела даже пикнуть. Высказался и положил трубку.

– Может быть, Володя?

– Роберт! Что я, по-твоему, голос Назарова не знаю?!

– Звонок был местный или междугородка?

– Местный, – Женечка настороженно посмотрела на мужа.

Роберт ничего не сказал, скинул рубашку, под мышками и на спине отпечатались потные пятна, хотя на улице было свежо и прохладно. Ушел в ванную комнату. Женечка, пошла

за

ним, забрала влажную рубашку и повесила на крючок свежую футболку.

– Роберт, почему ты ничего не говоришь, как прошла встреча с главным редактором в издательстве?

– Как и ожидалось.

– То есть?

– То есть никак. Если бы не Тарас Григорьевич...

– То?..

– Пока шел к нему, планомерно уничтожил бы всех существующих чинуш, паразитирующих на советской идеологии.

Женечка в замешательстве замерла.

– Как это? Почему? – она со страхом оглянулась, словно кроме них двоих с Робертом еще кто-то мог услышать крамольную реплику мужа.

– Потому, что они кровопийцы, – зло пояснил Роберт.

Женечка еще немного помолчала, переваривая сказанное Робертом, но потом не сдержалась и осторожно спросила:

– И что сказал Тарас Григорьевич?

– А что он мог сказать? – улыбнувшись, переспросил Роберт. – Стоял. Молчал, гневно удрученно опустив голову.

3

– Молчал?..

– Молчал.

– Стоял, когда ты к нему подошел?

– Ну да.

– Где стоял? – осторожно переспросила Женечка.

Роберт совсем развеселился, мокрый после ванны обнял ее, поцеловал и успокоил:

– Да не волнуйся ты. С ним все в порядке. Как стоял, так и стоит.

Женечка отстранилась от Роберта, расстроено потребовала:

– Да скажешь ты, наконец, кто и где стоял?

– У входа в сад Шевченко. Где же еще? – едва сдерживая смех, весело уточнил Роберт.

Женечка от мысли, что Роберт возможно над ней мило посмеивается, сделала соответствующее лицо и пронзила презрительным взглядом.

– Значит, фамилию ты не скажешь? – подытожила она.

– А! Фамилию? Фамилия его – Шевченко. Великий Кобзарь, – заметил невинно.

Еще несколько секунд Женечка обдумывала, как ей теперь поступить после удавшийся шутки мужа, но вместо гнева у нее невольно вырвался откровенный смех.

Освежившись и насмеявшись, Роберт ощутил прилив энергии, сдержанно прилег на тахту,

прижал пальцами глаза. В голове крутились сумбурные мысли...

– Роберт, что с тобой. Может, объяснишь? – она присела на краю, приложила ладонь к его щеке, погладила успокаивающе. Терпеливо принялась ждать.

Он посмотрел ей в лицо, отвел ее руку, неуверенно сказал, как будто пытался поведать сверхъестественный феномен:

– У меня такое чувство, словно круглые сутки за мной сверху наблюдает огромный Всесущий Глаз.

– Это твой очередной образ в романе?

Он устало поднялся, потом долго молчал.

– Роберт? – напомнила она, когда он сел за стол.

– Посланник его, как и в прошлый раз, мне советует по телефону. Причем – с оттенком предупреждения.

В уголках ее милого рта промелькнула чуть заметная улыбка.

– Посланник Всесущего Глаза? – с усмешкой переспросила она. – Скажи, что на этот раз ты неудачно пошутил.

– Я сказал, что у меня такое чувство. И только. Такой огромный лукавый Глаз... – уточнил

он не понятно, в шутку или всерьез.

– Женский? – спросила она, поддерживая настроение мужа.

– Ну, сама понимаешь, раз лукавый...

– Это все?

– А! Тебе мало?! Ладно! Только что видел абсолютно голого мужика разгуливающего по трассе.

Женечка замерла.

– Это плохо, Роберт, – заметила серьезно после минутной паузы, и внимательно оглядела его лицо, – это не к добру, дорогой. Это к болезни.

– Ты так думаешь? – хитро улыбнувшись, сказал он. – А я думаю, отчего это у меня голова трещит?.. Оказывается, не только от твоего сообщения...

– Роберт, это у тебя от усталости. Может быть, хватит работать по ночам?

– Немало уходит времени на дорогу.

– Бери машину. Возле института есть, где поставить?

– Нет смысла, пока в гараж, потом из гаража...

4

– А может ты с работы, по дороге домой заглядываешь к любовнице? Вот и усталость... – наугад шутливо заметила она.

– От усталости знает некто то, что знаю только я? – заметил он, избегая прямого ответа.

– Ну почему? Ты же узнал вначале от кого-то.

– Мне по телефону сообщил Назаров перед отъездом из Майами. Так что, по-твоему, информацию подслушали?

– А почему нет?

– Может быть, но почему-то мне подсказывает логика, что источник не использовал телефонную связь. Это уже не в первый раз. В тех случаях я не звонил по телефону. И

ПОТОМ

– характер информации, ее акцент тот же, что и раньше. А это не подтверждает твои догадки.

Женечка растерянно пожала плечами:

– Мистика какая-то... Чепуха.

– Кто сказал, что мистика – чепуха? Мистика – это предчувствие реального.

На это она беспричинно развеселилась, видно желая тяжелую тему перенастроить в легкий

юмор, и повела руками вокруг, подкрепляя свое настроение существенными доводами:

– Тогда где же этот дух, который тебя слышит и почему-то разговаривает только по телефону. Пусть пообщается напрямую, это проще, чем мучить технику двадцатого века. Роберт доверчиво обвел глазами комнату.

– Ты напрасно. В каждом помещении, как и в вещах, живет дух прошлого и настоящего. В зависимости от обстоятельств, кто из них сильнее, а кто слабей, управляет энергией твоего

подсознания, чтобы выполнить желания.

Женечка подавила смешок, сказала Роберту с опаской, что возможно именно сейчас и в самом деле ее слышит плохой дух в прошлом плохих людей. После такого высказывания настала очередь и Роберта немного повеселиться фантастической импровизацией. Он заметил:

– Понимаешь, дорогая, это доказано учеными, что дух твоих предшественников, случайно

связанный одной с тобой целью, помогает или мешает любым доступным в природе способом.

– Выходит, мне показалось, что звонил некто и посоветовал тебе быть осторожным?

– Выходит, да.

– Ты что, меня за дурочку принимаешь?! – распахнулась Женечка и принялась рассерженно убирать со стола.

– Ну почему же?! – притворяясь серьезным, принялся он оправдываться, – а как ты объяснишь то, как бывало и с тобой, ты мне рассказывала, когда по непонятным причинам,

спулав номер, звонил чужой человек, называл тебя по имени, говорил с тобой об общих, казалось, совместных делах и только после частых гудков в трубке тебе вдруг приходила мысль, что обсуждали-то вы не ваши с ним общие дела? И знакомый голос человека, назвавшийся твоим другом или партнером, неожиданно превращался в некоего, имени которого ты не знала. Это что, разве не дух управляет сильными желаниями твоей психики?

Женечка вздохнула и сдалась:

– Как говорят, идол попутал... или черт... все равно, – сделала она вывод. – Ты как хочешь,

а я пошла спать.

Роберт промолчал. Охватило ощущение унижительной беспомощности перед грязным идолом... А может и в самом деле все очень просто и его подозрения от усталости, и завтра,

утром, проснувшись лежа в постели, он ясно обнаружит утечку информации.

Утечка информации... Совсем не обязательно ей появиться в результате действий посторонних лиц или собственной оплошности. Достаточно периодически думать о ней, чтобы вселить ее в бессознательную память другого. А потом ожидай невольную фразу о

любовнице, о которой знаешь ты один. С одним условием, конечно, что не бредишь ты во сне,

называя имя Татьяны... Но это исключено, иначе, учитывая откровенный Женечки характер,

втайне умолчанием такая информация в ее головке не удержалась бы ни на минуту, спал он в

это время или не спал! Язык же просто невольно произнес, а значит это неспроста. И если бы

человек не был настолько глух к природе, то пользовался бы этим, пользовался...

Роберт бросил промывать собственные косточки, прислушался к ровному дыханию супруги. Стало не по себе. Лучше пусть Женечка об этом ничего не знает. Живет, как живется,

без волнений, а он уж как-нибудь справится со своими чувствами. Хорошо, что это не главное

в жизни. Главное – преимущественный виртуальный соперник повседневного – творчество,

приносящее ни с чем не сравнимую полноту личной жизни.

Вообще, что такое личная жизнь? Совершенно не понятная штука. Если рассматривать ее с

понятия привычного советского термина – она хамски унизительна хотя бы потому, что формальна, и заставляет лицемерить в самом сокровенном, приобщаясь к коллективному

образу жизни. Ничего личного, индивидуального. Если видеть в этом закрытую для постороннего вмешательства интимность мыслей и желаний, то тогда можно сразу на личной

жизни, какая у них с Женечкой была, поставить точку.

В причине разобраться было невозможно, как Роберт ни старайся, с какой стороны не подходи – деловой, любовной, сексуальной... Объяснить себе даже по отдельности – было просто невозможно. Единственно, к какому выводу можно было бы прийти – это то, что сама

жизнь, как ни крути, со временем поставит все на свои места.

Он посмотрел на Женечку, на гладкое сонное личико и вдруг ярко представил себе ее загнанные беспомощные черты, трагическую преувеличенную печаль... «И станет тогда твоя

тайная жизнь твоей личной», – подумал Роберт, грустно улыбнулся, как будто и на самом деле

пришел к такому решению, с усмешкой раскрыв неизбежное своему прототипу.

И заснул.

Глава 2

Москва, Назаров

Лайнер мягко приземлился на посадочную полосу аэропорта Шереметьево-1. Рабочие в комбинезонах подкатали трап, к нему спокойной походкой подошли мужчины в униформе с

золотыми звездами в петлицах, и два официальных лица в костюмах «тройка» при галстуках

– встречающие и сопровождающие прибывших. Со стороны аэровокзала отделился автовагончик, жужжа трансмиссией, направился к самолету для перевозки пассажиров к выходу в город. Все, как и должно быть, все родное располагало встрече, невольно вызы-

вая

радость. Назаров заметил ее на лицах прибывших, но не смог принять чужое чувство, осознать возбуждение, неожиданно возникшее вокруг, оно казалось неуместным, фальшивым.

Наоборот, немного чего-то доставало. Он взял дипломат с навешенным на ручку ярлыком с

надписью «in cabin»* , который почему-то до сих пор не снял, направился за всеми к выходу.

Переступив порог, на секунду остановился, прищурившись от яркого теплого солнца. Внизу у

основания трапа двое в штатском не удивили, это то, чего не хватало, они уместны и не были

фальшивыми, не отвечали настроению прилетевших. Назарова они не расстроили и не обрадовали, как и заранее, должно быть, было предусмотрено, что лежало где-то у него внутри и вот сейчас последовательно воплощалось в очевидность, ни малейшим явлением не

трогая чувств.

б

Мужчины в костюмах дружно и неспешно шагнули навстречу, как только Назаров ступил на бетонный настил посадочной полосы. Один из них протянул руку и, судя по выражению

лица, не для приятного знакомства, уверенно взял профессора под руку и, уводя в сторону как

для интимного разговора, жестко доложил:

– Назаров Владимир Александрович, вам необходимо пройти с нами.

Назаров ответил спокойно и невозмутимо:

– Я согласен, но...

– Мы все учли...

Они молча шли к стеклянному входу в помещение вокзала, вошли в зал. Открылась щемящая обстановка отъезда в Майами, за спиной оставался стеклянный фронтон Шереметьево-1. Он увидел, как направился к регистрационному входу, обогнув барьер из

никелированных труб, толкнул дверь ногой и боком вошел в ярко освещенный зал. На втором

этаже буфет. Там он выпил рюмочку коньяку с черным кофе. Сразу перед входом находилась

стойка с весами, у которой образовалась небольшая очередь, справа в глубине виднелись турникеты и застекленные кабинки с пограничниками, слева пассажиры заполняли, стоя за

конторками, бланки деклараций. Изящные на вид девицы в синих форменных жакетах оформляли билеты, здоровый мужик в комбинезоне снимал очередную поклажу, чемоданы,

ящики, аккуратно навешивал бирки и выстраивал багаж. Очередь к регистрации медленно

двигалась и вызывала у профессора нетерпеливое раздражение. Потом, наконец, получив номерок и прицепив его к ручке дипломата, стал пробиваться вдоль стойки к таможенному

контролю. На этот раз под руки своих сопровождающих этот путь они прошли беспрепятственно. Перед ними расступались. Изящная красавица в элегантной униформе с

золотыми звездами в петлицах предупредительно распахнула стойку, пропуская их, кивнула

головой в сторону двери помещения отгороженного от зала. Они вошли и мужчина, подавший

возле трапа руку, наконец, представился:

– Комитет Государственной Безопасности, подполковник Горин Петр Васильевич. Будьте добры, откройте ваш кейс.

Назаров открыл, взял плотную кожаную папку с надписью «Практическое пособие – изменение генотипа склонного к террору» и подал ее Петру Васильевичу.

– Вас интересует это?

– Да. Нас интересует это. И вы тоже. Назаров Владимир Александрович, вы задержаны по обвинению в передаче документации секретного оружия государственным представите-

лям

США. Окончательное решение будет вам предъявлено по завершении следствия.

– Я согласен, но позвольте мне повидаться с семьей.

– Мы это предусмотрели, уважаемый профессор. Но вам неизвестен один нюанс. Ваша жена с сыном сейчас находится не в Москве, а в Харькове у своих родственников. Вам

дается

трое суток, чтобы посетить знакомых в Москве и повидать семью в Харькове. В вашем распоряжении машина «Второго таксопарка» из Харькова круглосуточно. Машину

менять

запрещается. Водитель может быть другой. Вскоре мы с вами снова встретимся.

Назаров ни движением, ни выражением лица не проявил подавленность. Ему и самому была не понятна своя холодность и отчужденность в кульминационный момент. Ему не надевали наручники, его вежливо вывели на улицу к стоянке такси и посадили на перед-

нее

сидение. Машина действительно была Харьковская. Таксисту приказали отвезти Влади-

мира

Александровича, куда он скажет, поскольку профессор только что из Майами и должен вовремя вручить жене зарубежный подарок. В Харькове профессор также может посе-

тить

этот адрес, Петр Васильевич протянул таксисту визитку.

– А это на мелкие расходы. Все указания клиента беспрекословно выполнять, – строго сказал он, небрежно бросив на колени водителя сверток. – Владимир Александрович,

7

самолетом вам лететь в Харьков не предусмотрено. Да и вас это будет связывать, – доба-

вил он

и, отдав честь, захлопнул дверь машины.

Поведение майора КГБ было настолько странным, что даже таксист, выдавший виды на своем тернистом шоферском пути, не смог воздержаться от комментариев:

– Он что, всегда такой? Ваш друг.

– Он мне такой же друг как вам бабушка, – саркастически заметил Назаров, которому

было

все равно, о чем говорить – плохом или хорошим.

Таксист кривой улыбкой оценил безобидное замечание пассажира, включил зажигание и тронул машину.

– Мне так не показалось, уважаемый.

– Почему?

– Деньги, и при том немалые, так просто ненужным людям не дают. И обслуживание

другое, – добавил он, разглядывая визитку-приглашение.

– Да, действительно, я ему нужен. Он и сам это сказал, не постеснялся. А познакомился
я с

ним пятью минутами раньше вас.

Таксист даже притормозил на прямой дороге, услышав странную информацию. Значит, подумал он, чутье не подводит – пассажир дорогой и, скажем прямо, сидит тут рядом «в наличии», а не по перечислению или в кредит, наивный и прямой как сама простота, а потому

напрашивается только один вопрос – на самом деле он такой или за этим кроется что-то значительное. Не часто же посторонние люди одаривают тебя бесплатным маршрутом с пятикратной оплатой да еще в придачу вручивают дорогой «мандат-пропуск», приглашение в

кабак закрытого типа, где тебе «готов и стол и дом».

Таксист окинул Назарова внимательным взглядом, оценил сумасшедшей стоимости костюм, какого не нюхали даже крутые партийные лидеры страны Советов, новенький аккуратенький кейс с двумя блестящими защелками, удивленно смотрящими широко раскрытыми глазами банкира на «куда попал?», а уж что в нем, в этом кейсе – и догадываться

не нужно, – заранее дух захватывает!

Назаров скосил глаза на визитку в руках таксиста и водитель не смог не отдать ему тут же дорогую карточку для гостей.

– Я бы не сказал, что ваш покровитель вами слабо заинтересован.

Назаров кивнул.

– Здесь вы правы.

– И что вы теперь собираетесь делать? Неужели поделитесь с этим типом?

Назаров скупо усмехнулся:

– Да нет, он хочет все.

Таксист от неожиданности снова затормозил и теперь уже окончательно. Остановился и молча посмотрел на профессора, откровенно демонстрируя свое критическое отношение
к

очень простому с явным акцентом советско-американскому бизнесмену, хладнокровно бросающему свои достояния, как излишки капитала, первому попавшемуся на его пути подпольно-партийному боссу. А партийные боссы, как известно в наши семидесятые, просто

так ни на чем, свои отношения с бизнесменом не строят. Значит, у бизнесмена больше чем у

партийного лидера. Это и ему видно.

– И вы с этим согласны?

– Что поделаешь! У меня есть еще. И потом на этом свои планы не построишь, этим
нужно

еще суметь воспользоваться, приятель. Мы едем?

– Как прикажете, босс, – неожиданно для самого себя произнес таксист и дружелюбно засмеялся. – Когда приедем, если пожелаете, заглянем по этому адресу, – он кивнул на
8

карточку, – нужно же впервые оценить, как живут там и как – здесь, – он с хитрой улыбкой

скосил глаза в сторону Назарова.

– А что? Поехали! – почувствовав отвязную лихость, как перед последней возможностью по-настоящему пожить в Стране Советов, воскликнул Назаров. – Угощаю!

– Вот это по мне! – радостно отозвался таксист. – Я сразу угадал в тебе своего человека, босс.

– Правильно угадал. Гони.

Таксист чиркнул стартером и машина, резко взяв с места, понеслась в сторону окружной дороги.

Глава 3

Харьков, все те же...

Он проснулся в полной темноте на сухой мягкой травке возле свежепахнувшей плещущейся

о берег воды совершенно голый, даже без трусов. Возникли одновременно несколько вопросов: находился он на привычном, часто посещаемом месте, был в отходящем угаре вчерашней пьянки, хоть и чувствовал себя вполне нормально, но не понимал одного –

как его

сюда занесло на ночь, где в этот момент его рабочая машина и почему обязательно голый,

как

мать родила? Где в таком случае его одежда... вплоть до трусов? Где кейс, в котором, как предполагалось, ценное содержимое клиента? Вопросы навалились сразу и при таком положении разобраться, что к чему просто было невозможно. Тогда решил начать с того,

как

он сюда попал и почему он здесь. Нет, опять два вопроса сразу. Вначале, почему он здесь? Очень просто: всегда, возвращаясь поздно вечером домой, в доску пьяный после мальчишника, по пути заваливался сюда на уютный бережок озера Салтовского массива искупаться нагишом, потом, не меняя места дислокации, отсыпаться до утра. Это гарантировало избежать вытрезвителя и, соответственно, фатальных неприятностей на работе. Один вопрос решен. Второй: как он сюда попал? Помнит, как оставил машину

у входа

в очень крутое заведение. Куда впускали только по особой визитке, какая была у клиента,

и

только крутых... Звали его почему-то боссом. Значит, Босс был тоже крутой. Предполагалось,

что в кейсе у него лежали хорошие бабки или ценные вещи. А может и то, и другое. В баре после последней... впрочем, не понятно была ли это последняя, он был почти готов, и последовал за Боссом в туалет, где пришлось бизнесмена легонько стукнуть по темечку. Потом взял кейс и уже как в тумане вернулся к машине... Вот тут все расплылось и

ничего не

осталось в памяти. Что было дальше – как в многосерийном детективе – в следующей серии.

Он еще раз осмотрел все вокруг, где ощупью, где при неплохом свете луны, а ближе к трассе проспекта Тракторостроителей помог желтый отсвет ламп уличного освещения – трусов, одежды нигде не было. Машины тоже. О кейсе уже и думать не хотелось. Такое подлое коварство ввергло его в панику. По всему, не обошлось без злобных намерений. Неужели Босс? В тихом болоте? Так ошибиться в клиенте! Не может быть!.. И даже

смешно –

хотел кого-то грабануть, а вышло – тебя!

Голый, и считая себя достаточно потерпевшим, вышел на трассу во всем, как есть, с поднятыми руками на расклад победителя. Был второй час ночи, и проезжего транспорта почти не предполагалось, но как раз в этот момент не вовремя на дороге с нескромной скоростью «гнала» первая модель «Жигулей». Водитель, видно впервые так близко уви-

дел

обнаженный призрак в мужском варианте, что не смог справиться с управлением и прямо

нырнул в прибрежные заросли озера, откуда только что вышел Голый. Пришлось в жел

том

9

освещении дорожных фонарей, как на сцене, ожидать очередную машину (он ее мыс

ленно назвал залетной), снова поднять обе руки, надеясь, что на этот раз водитель правильно

его поймет и не примет за извращенца ищущего сексуального напарника.

Второй оказалась двадцать четвертая «Волга» с милицейской фуражкой на полке возле заднего стекла. Машина остановилась, водитель – мужчина крупного телосложения приоткрыл дверь и, улыбаясь, заметил:

– Ты хоть прикройся фиговым листочком, или веник пристрой. Вон их сколько, – кивнул

он

в сторону зеленого насаждения и, удивленно покрутив головой, поехал дальше, на ходу закрывая дверь.

Идея показалась разумной, и Голый уже собирался было вернуться в кусты для ее осуществления, как неожиданно «на горизонте» появился милицейский «газик» с маяч

ком-

мигалкой. Голый понял, что это его единственный шанс на спасение – отдаться властям, как

потерпевший.

«Газик» остановился близко возле Голого прямо посреди дороги, из него вышел лейте

нант,

сдерживая улыбку, подошел, проговорил:

– Ну что, вот так и будешь стоять до утра? Или еще пойдешь, покупаешься. Может, хоть трусы вернут, пока будешь в воде... Что случилось, приятель?

– Товарищ лейтенант, только вы мне можете помочь. У меня действительно украли

одежду.

– И больше ничего? – во взгляде милиционера промелькнула ехидная улыбочка.

– Это верно, начальник. Рабочая машина. Волга. Угнали.

– Сообщал?

Голый молча показал на себя.

– Ладно. Отойди на обочину. Жди.

Голый послушно пошел к обочине.

Лейтенант с наслаждением расправил плечи, потягиваясь и не садясь за руль, сказал

кому-

то в машине. Ему подали микрофон, в динамике коротко хрюкнуло.

– Второй, я Первый. Нашли. Возле озера на подъеме. Выезжайте. Берите все, и его тоже. Отсюда и начнем. Времени не осталось.

Вскоре появилась «Волга» с шашечками на борту и Голый сразу узнал в ней свою машину.

Из нее вышел всего лишь один человек, водитель, безучастно стал в сторонке, закурил.

– Ну что, герой, – сказал лейтенант, подошел вплотную к Голому, взял его за руку и ловко набросил наручники. – Давай в свою колымагу, приятель, – и легонько подтолкнул к

открытой

задней двери «Волги». Голый растерялся и не сразу сообразил, что ответить.

– А это зачем? – глупо спросил он, указав глазами на наручники.

– А это для спокойствия души.

– А я и так спокоен, – машинально ответил Голый.

– Залазь в машину, сейчас твое спокойствие сразу испарится.

И как только он сел, лейтенант тут же его пристегнул наручником к верхней ручке над головой. Сам сел на переднее сидение, повернулся в полуоборот, зажег свет. Теперь

Голый

обнаружил рядом своего клиента. Да, это был Босс, с которым они так неудачно провели время в крутом кабаке, и Голый понял, что вопросов к милиции у него больше не будет.

– Узнаешь? – коротко спросил лейтенант.

Голый уныло кивнул.

– Не слышу.

– Узнаю.

– Еще что ты узнаешь?

10

Голый осмотрелся вокруг. Лежали рубашка, пиджак, брюки, жакет-тройка клиента, навешенные на спинку переднего сидения... Он даже не сомневался, что и туфли тоже

лежат

где-то под сидением.

– Мои вещи.

– Разве? А тогда чьи же вещи на господине Назарове, Владимире Александровиче из Майами?

– Не знаю.

– Ну, тогда одевайся.

Голый растерялся. Посмотрел на Босса. Он был одет, как полагается аккуратному джентльмену, даже с галстуком в одежду таксиста и молча, а точнее – с безразличием – созерцал сцену.

– Я жду, – приказал лейтенант.

Голый, в недоумении пожав плечами, стал одевать все, что принадлежало клиенту, несколько свободное, чем собственное.

– Хорошо. Вот теперь все правильно. Как и предполагалось. Не хватает только этой вещи, которую ты небрежно бросил на сидении и не помнишь, как докатил сюда, – лейтенант положил на колени Голый кейс клиента, – вещь господина Назарова, которого ты двинул

по

голове и оставил на произвол в туалете. Вот и все. Я правильно излагаю, товарищ Назаров?

ров?

Назаров инертно покивал головой.

– Не волнуйтесь, Владимир Александрович, вор будет наказан, и дадим вам другого водителя. Нам приказано доставить вас по назначению. Все будет в порядке, – лейтенант приоткрыл дверь и сделал знак водителю:

– Поехали.

Водитель в свою очередь повторил ту же фразу человеку, стоящему возле «газика», сел в машину, включил зажигание.

– За ним, – скупно проговорил лейтенант.

Они развернулись и ехали по пустынным дорогам города очень быстро, еще около получаса, пока не остановились на дороге перед шлагбаумом у переезда железнодорожного

ного

полотна, ведущей к поселку Бавария.

Лейтенант посмотрел на часы. Человек из «газика» зашел в будку дорожников, вскоре он

вышел с человеком в желтом жакете. Они постояли, покурили и ушли в темноту лесополосы.

Через несколько минут человек вернулся один, сел в свой «газик» и затих, будто заснул. Лейтенант снова посмотрел на часы. Некоторое время молча все чего-то ждали. Потом лейтенант посмотрел в очередной раз на часы и сказал водителю:

– Поехали.

«Волга» медленно тронулась с места, объехала стоящего с погашенными фарами «газик»

и

шагом запрыгала по деревянному настилу переезда. На середине полотна вдруг двигатель заглох, водитель нервно попытался снова завести машину, но попытки одна за другой оказались тщетными. Лейтенант спокойно открыл свою дверь, вышел, обошел машину, произнес «давай отсюда» и выдернул за рукав водителя наружу. В то же время из темноты вырвался локомотив. Тяжело дыша длинным товарным составом, он неумолимой небыстрой

рой

поступью надвигался на переезд, освещая полотно зловещим светом и левый бок «Волги».

Голый вначале взвизгнул как-то неестественно, потом, словно набрав полные легкие воздуха,

издал хриплый разрывающий связки голос. Назаров бессмысленно изо всех сил принялся бить плечом по двери машины...

Еще несколько секунд, и тревожная прерывистая сирена тепловоза слилась с визжащими тормозами колес состава, но противный скрежет металла после тупого удара о скорлупу кузова «Волги» покрыл этот звук. Привычные глазу части машины, сморщенные и сбитые в

тые в

11

бесформенную свалку металла локомотив протянул по полотну несколько метров вперед, теряя по пути искореженные фрагменты, и только оставалось непонятным, почему эта груда

не воспламенилась.

Глава 4

Сила привычки

Телевизор был общим, семейным и стоял в зале трехкомнатной квартиры, куда домо-
чадцы

сходились на просмотр только интересной или важной передачи. Женечка садилась напротив

экрана в кресло, чуть сбоку на тахте устраивалась теща, тесть почти всегда игнорировал развлекательные программы, зато просиживал на футболе, отодвигая всех с любимыми фильмами и женскими передачами. Роберт присутствовал эпизодически, появляясь во

время

фильма в перерыве работы над рукописью, тихо подходил сзади к Женечке, обнимал за плечи,

касясь подбородком ее короткой прически, аккуратно, чтобы любопытная теща не оценила

его поступок слишком вульгарным, опускал руку в отворот жениной пижамы, нащупывал желанное место и с независимым видом приобщался к общему созерцанию экрана.

На этот раз, завершив только первую часть своей программы, он успел обнять ее плечи, коснуться подбородком прически и уже собирался вознаградить любимую женщину своей

лаской – опустить руку к желанным местам – но... вдруг замер от неожиданности. Волосы

милой супружней головки испускали незнакомый запах!.. В следующий момент он обнаружил, что обнимает не собственную жену, а тещу...

Роберт поворочался с боку на бок, просыпаясь окончательно. Ночная работа в лаборатории

выбили из колеи нормальной жизни и часто отдельные моменты минувших событий, зафиксированные памятью, долго крутились в догадках, к какому сюжету они могли принадлежать, пока испытанные временем сами по себе не определялись. Насыщенные фантазией сюжеты переполняли голову настолько, что утром в просоночном состоянии Роберт не сразу смог поставить все на свои места и даже не старался это сделать, путая сновидения с яркими картинками своего воображения, наслаждаясь необыкновенным превращением текущей жизни в новую реальность, им выдуманную.

Всплывшая сцена была явно не из «текущих» и напоминала обычный идиотский сон минувшей ночи. Женечки рядом уже не было, она всегда вставала рано, настолько рано, чтобы к его бодрому состоянию завтрак был бы уже готов. И, конечно же, что это было

– явь

или сон – могла разрешить только она, прибавив постскрипту на предмет «что бы это

могло

означать?»

– Ничего особенного, – скромненько пискнула Женечка, кладя в тарелку пюре и приспособив с боку котлету. – Просто ты в силу своего мужского темперамента

немного

позаигрывал с моей мамой.

– Фантасмагория в чистом виде! – с досадой заметил Роберт, беря вилку.

– Но главное, что не придуманная тобой, а та, что на самом деле была, – добавила она, отвернув лицо в сторону, чтобы скрыть улыбку.

– Шутить изволите? – угадав выражение на ее лице, пробубнил себе под нос Роберт.

– Ну почему же... действительно так и было, – сказала она, наталкивая полный рот, чтобы не выдать себя откровенным смехом.

Роберт перестал жевать и застыл, внимательно рассматривая лицо жены. Женечка демонстративно повернулась на откровенное обозрение и сделала ироничный вопросительный взгляд. Теперь стало совершенно ясно, что и на самом деле он подзале-

тел на

12

«интимных отношениях» с тещей, что это не его бредовая фантазия и даже не сон и как

он

будет смотреть теще в глаза – совершенно не понятно. Все ярче осознавая свой позор, он медленно сгорал от стыда...

– Как же так?!

– Очень просто.

– Так ведь ты же всегда там сидела!

– А когда ты вернулся, уже не сидела. Мы с мамой поменялись местами. Ей там лучше видно.

– И ты промолчала...

– А мне было интересно, как ты отреагируешь на другую женщину.

– Ну и как? – с досадой спросил он.

– Не адекватно.

– То есть?

– Стал обнимать так же ласково, как и меня.

– И что это означает?

Женечка пропустила вопрос мимо, а минутой позже задала встречный вопрос и в голосе чувствовалась настороженность:

– Можно тебя спросить?..

– Ты уже спросила.

– Нет, правда. Это для меня имеет большое значение...

– С женой я развелся по самой банальной причине, милая. Тебя это интересует?

– Ты мне говорил, Роберт. Из-за несовместимости взглядов, да?

Роберт вытер салфеткой губы, сказал Женечке «спасибо, дорогая», поцеловал, и устало отвалил на кушетку.

– Что тебя волнует?

– Просто у меня в последние годы сам по себе стал возникать вопрос: что приводит супругов, в основном мужчин, к неожиданному беспричинному разрыву? Разлюбил, как говорят?..

Роберт пожал плечами:

– Можно и так сказать.

– После десяти двадцатилетней любви? – Женечка с презрением взглянула на Роберта, словно это касалось именно их с Робертом, именно между ними разрыв, и по его вине, и она,

как женщина, перекладывала всю вину на мужчину, своего супруга. В этот момент всплыла

их брачная ночь, когда после безумного соития, во время бесконечных поцелуев он услышал у

своего уха ее шепот, лишенный плоти всех человеческих тормозов: «Ты меня не бросишь, не

бросишь, да?» Получается, что бы ни случилось, а он заранее обязан на всю жизнь «не бросать» свою жену ни под каким предлогом. Своего рода – пожизненное заключение, точнее,

законное покушение на свободу его творчества. Мысль слабо сказать тяжелая – гнетущая, уничтожающая.

– Значит, любовь может пройти после стольких лет безукоризненных духовных отношений? Возможно ли такое?

Роберт задумался. И в самом деле, «возможно ли такое?» Что удерживает человека от перемены?

– Наверное, в момент выбора – что оказывается сильней.

– Что?

– Свобода творчества или любовь.

13

– Боже! Это же инквизиторство, Роберт! – Женечка грустно покивала головой кому-то за окном. – И ты об этом так хладнокровно говоришь. Разве для тебя твое творчество не важней

моей любви?

– Почему «твоей»? – Роберт, не замечая, невольно задал обнаженный вопрос. – Я не в счет?

– и вышло действительно хладнокровно, как от пресыщенности жизнью.

Женечка это, наверное, почувствовала, и не ответила. Сам по себе его вопрос уже ответ.

Он

неожиданно подтвердил догадку охлаждения чувств, незаметно пришедшего в их жизнь,

и

непонятно было, как к этому нужно относиться. Так же, как и он, не придавая особого

значения, видно так бывает во всех семьях, ей не знать, она впервые замужем, а у него опыт и

не волнуется, значит, уверен в том, что так и должно быть. Чувствовалась личная вина в неопытности, вышла очень поздно, не девочка и не женщина, и Роберт был у нее первый. Хотя понимала, что основная вина запоздалого создания семьи лежит на родителях, на каждом шагу твердящих дочери в расцвете юных ее лет о благоразумии советской «порядочности» будущей супруги в получении высшего образования, а не в счастливом браке.

Меньшее – позор для советского человека, тем более – для семьи такого авторитетного лица,

как заместителя главного конструктора завода танкостроения. С уходящими годами она сама

себе не признавалась, не допускала мысли, что поезд ушел, и приходилось пользоваться тем,

что осталось. Это и унижительно и так же разумно, как все-таки нужно жить. И определить –

возникшие к каким трудностям нужно причислить – временным или постоянным. Конечно

самые опасные постоянные трудности. И если они появились у нее с Робертом, то оставалось

выяснить причину.

– Так что же удерживает супруга от перемен, если не любовь? – с нескрываемым интересом спросил Роберт.

– Сила привычки, если не корысть, – подражая Роберту, заверила она.

– Всему есть предел.

– Да, но то и другое, что ты сказал, меняет время. Как говорят, время лечит.

– И изменяет цель, – в унисон добавил Роберт. Ему понравилось направление мысли, которую невольно затронула Женечка. Это полностью отвечало его убеждению, что причина,

по которой ему не везло в семейной жизни, лежит именно в этом.

Но Женечкины, видно, с его мыслями не совпадали. Она покачала головой:

– Дело не в этом. Ты помнишь, Назаров рассказывал, как еще в ранние годы их с Ниной супружеской жизни она уходила от него. На каком году их супружества это было?

– А зачем это тебе?

– Говорят, есть роковые числа разводов. На третьем, седьмом, девятом, двенадцатом году супружества.

– Именно такие числа? Ты не путаешь? Почему?

– Не знаю, может быть, другие. Но говорят.

Роберт встревожено подошел к окну. С высоты четвертого этажа поверх макушек кленов и

каштанов раскрылся, сохранив утреннюю прохладу на росистой траве, школьный стадион, а

за ним – пустырь, обросший редким кустарником чайной розы. Что-то терзало, не давало спокойного сосредоточения. Может быть, причина крылась в Назарове. Пора бы Володе позвонить. Руки произвольно тянулись к телефонной трубке.

Женечка примолкла, сзади подошла, охватила его плечи, прижалась к нему.

– Роберт, что-то здесь не так. Позвони ему.

Роберт не удивился ее чувству:

– Не хотелось нарушать договор.

- Наверное, придется. Позвони, не мучайся, дорогой.
- Нет, вначале съезжу, привезу то, что мне приготовили. Я прав?

14

Женечка немного подумала, сказала:

– Да, Роберт, ты прав. Может потом что-то изменится, и он позвонит. Давай, собирайся. И будь осторожен, как тебе советовали.

Он скривил кислое лицо:

– Не напоминай. Я не слышал, значит, ничего не было, – заявил самоуверенно, надел футболку и, прихватив сумку, направился к двери.

– Подожди, – Женечка подошла, обвила шею, зашептала, – Возвращайся скорей, дорогой. Ты на машине? Будь осторожен. Я волнуюсь...

Глава 5

Клиент

Машина завелась сразу. Будто просилась на долгожданную прогулку. Способствовала сухая

теплая погода. Роберт мысленно сказал «спасибо», глянул на количество бензина, стрелка

оставалась почти на нуле, повернул ключом зажигание и, успокоив себя обещанием при первой же возможности заправиться, тронул машину. Перед шлагбаумом стоянки остановился, нажал пару раз на тормоз, глянул на реакцию дежурного. Старик недово-

льно покачал головой.

– Что?

– Правый моргает, а левый вообще «молчит». Могу не выпустить.

– Опять контакт, – сказал Роберт, выбрался из машины, рассерженно пнул ногой светильник.

– Посмотри теперь, – кинул раздраженно, сел в машину и нажал на педаль.

– Теперь нормально, – недовольно произнес дежурный. – Ты это вот... Не очень доверяй. Опасно ведь.

– Знаю. Отъеду, проверю еще. Не бойсь, Петрович! Я сам боюсь, – шуткой ответил Роберт и выехал к перекрестку главной дороги.

Время было далеко за час пик и на трассе Академика Павлова движение позволяло без проблем спокойно выехать в направлении центра города. На перекрестке не успев влиться в

поток, заметил настойчиво махающего рукой клиента. Когда ехал без Женечки, конечно не

отказывался от пассажиров. Исключением была Татьяна. С ней в редких случаях брал человека и то – одного. А потом, если время позволяло, – проехаться с ней и лишний час провести вместе, на обратном пути остановиться где-нибудь на окраине, вблизи негустых насаждений, полежать на травке, поболтать о вещах для обоих интересных. После такой встречи с трудом расставался, отвозил Татьяну в Поселок домой к ее шумной мамаше, целовал Наташку и уезжал.

Настойчивый клиент как по заказу явился вовремя. Подъезжая, Роберт отметил на его лице

знакомые черты. Где-то, наверное, встречал или уже не раз подвозил, в последние годы он часто этим занимался.

Видно систематическое появление машины Роберта в определенное время и в нужном направлении, обнадеживало пассажиров использовать его автостопом. В этом случае

Татьяна

тут же пересаживалась на заднее сидение, как требовал Роберт, опасаясь хулиганских нападений клиентов. С автоизвозчиками на трассах это случалось не раз – чувство не из приятных, когда сзади тебя сидит чужой человек, от которого можно ожидать всего.

15

Роберт затормозил, открыл дверь, всмотрелся в лицо клиента, стараясь определить характер и состояние будущего пассажира. Мужчина показался интеллигентной наружности,

весь гладкий, в светлой безрукавке, трезвый.

Пока мужчина усаживался, с улыбочкой на лице вежливо здороваясь, словно был давно знаком, Роберт попытался вспомнить поездки их с Татьяной по вечернему Харькову на заработках по извозу, когда нужны были большие деньги для лечения Наташи... Впрочем, и

сейчас они были нужны... для санаторного оздоровления его любимого ребенка... вот и приходилось заниматься извозом, так называемыми «нетрудовыми доходами». И может быть,

с тех нескучных времен остался знакомый пассажир, какого он сейчас не может припомнить.

Память на лица у него, он знал, не очень... Татьяна же в этом отношении – феномен. Ей хватает одного взгляда, чтобы запомнить во всех подробностях нового знакомого или пассажира, оценить, насколько он миролюбив. Этого клиента, Роберт уверен, она узнала бы

сразу, даже назвала бы имя. Кстати, к ней не мешало бы сегодня завалиться. По ребенку соскучился... – Роберт внезапно почувствовал тягу к женщине, какая существовала формально и, наверное, нуждалась в его внимании, хотя повода к этому Татьяна никогда

не давала. Сейчас в определенных чувствах разобраться было просто невозможно, кто из них

двоих – она или Наташа – выбивали его из ритма спокойной жизни, напускали тоску неустроенности и обязанностей. Последний раз он у них был в воскресенье.

Роберт подумал, что на обратном пути не мешало бы завернуть в Поселок и остаток дня провести с Татьяной и Наташей.

– Но вы меня не помните, не так ли? – услышал он в наборе любезностей подсевшего мужчины. При этом пассажир смотрел прямо перед собой, как будто был уверен, что его непременно должны узнать не только в профиль, но даже в затылок.

Роберт внимательно окинул его.

– Федор Пантелеевич Лоухов, к вашим услугам. Теперь вспомнили?

– Честно говоря, нет. Наверное, когда-то подвозил...

Незнакомец не сбрасывая улыбки, закивал, то ли подтверждая сказанное, то ли сожалея, что Роберт не угадал.

– Я один был тогда или с подругой? – спросил Роберт, чтобы уточнить подробности знакомства. Кроме того, Роберт признался самому себе, что клиент почему-то необыч-

ный, а значит, не понравится. И это уже плохо. А раз плохо, значит нужно выдумать причину, по которой ему следует отказать.

– Вам далеко?

– Не очень. Вы через Центр. Значит нам по пути.

– Да, на «Южный вокзал».

– Это еще лучше. Я тоже.

Роберт замаялся, повернув ключ, осветил индикатор, показал на шкалу:

– К сожалению, Федор Пантелеевич, у меня... я не заметил... только что выехал из стоянки... бензин на нуле. Так что...

– Бензин? Это мы вмиг исправим, – сказал он с живой готовностью. – Езжайте, тут рядом бензоколонка. Заправляю лично! – выставил он вперед обе руки.

Роберт растерялся. Не столько от предложения бесплатно заправиться, сколько от неожиданной скользкой ситуации, культурно-наглого напора клиента.

– Заправиться я смогу и без вас, – жестко вымолвил он. – Но, Федор Пантелеевич, я совершенно забыл, что мне необходимо заехать к любимой женщине.

Федор Пантелеевич оживился.

– Так это же замечательно, Роберт!

– Не понял. Вы мое имя знаете? Скажите прямо, что вам от меня нужно?

16

– Да не волнуйтесь вы. Не меня вам нужно остерегаться. Просто вы меня как-то сразу забыли. Давайте заправимся и поедем. Я вам мешать не буду. И заранее плачу, чтобы

вы не

подумали чего, – он открыл багажник и положил туда запечатанную пачку десятирублевых

купюр. – Подожду, мне все равно делать нечего.

Роберт замер. Происходящее было похоже скорее на опасную авантюру, чем на благотворительные жесты сумасшедшего. Нужно было что-то делать, наверное, ехать,

чтобы

оттянуть время до более подходящих обстоятельств, например, милицейского поста,

ГАИ...

Роберт вышел, открыл багажник, вытащил канистру и шланг, демонстративно выставил все на дороге позади машины и поднял руку, показывая на канистру приближающемуся самосвалу.

Привычные жесты сработали сразу. Водитель самосвала остановился, не доезжая нескольких метров. Роберт взял канистру, подошел:

– Шеф, на одну канистру... выручай.

– Нет проблем, начальник. Только у меня сам понимаешь...

– Знаю, семьдесят шестой.

Водитель кивнул в сторону «Жигулей»:

– Заменяю на головке прокладку? – заметил, откручивая крышку бензобака самосвала.

– Да. Давно, – нехотя подтвердил Роберт и протянул заранее приготовленные два рубля.

Водитель благодарно кивнул и машинально сунул деньги в карман.

Роберт перенес наполненную канистру к машине и достал лейку. Подошел Федор Пантелеевич.

– Я помогу? – сказал он, беря канистру.

– А можно спросить, зачем это вам, Федор Пантелеевич? – Роберт почувствовал, что сможет выйти на откровенность.

– У меня много лишнего времени.

– А я тут при чем?

– Вы мне симпатичны, – скромно улыбнувшись, отметил Федор Пантелеевич.

– Но я не гей, – сообщил Роберт, с иронией глянул на клиента.

– Я тоже, – ничуть не смутившись, принял шутку Федор Пантелеевич.

– Тогда что же?

– Хочу к вам подлизаться.

– Зачем и каким образом?

– Каким образом, вы уже знаете. Буду пользоваться вашими услугами, если не возражаете,

– скромно пояснил он, ловко укладывая пустую канистру в багажник на место, где она лежала. Роберт пожал плечами: проскользнула мысль, что эта операция клиенту не впервые.

– Да, пожалуйста. Только я не каждый день на машине.

– И я не каждый день, – усмехнулся Федор Пантелеевич, усаживаясь на свое место.

– Тогда... Зачем такая куча денег?

– Взятка, – не сбавляя шутиwego тона, коротко бросил Федор Пантелеевич.

– Взятка? За что и зачем?

– Чтобы не отказал. Плата вперед. Не возражаете, Роберт Иванович? – спросил он нисколько не наигранно, и добродушно посмотрел на Роберта, ожидая согласия.

– Я не хочу быть обязанным. Заберите деньги, Федор Пантелеевич.

– Не волнуйтесь. У меня еще есть.

Роберт усмехнулся:

– А кому они не нужны? Но это не заработанные мною деньги.

– У вас, Роберт далеко не советские взгляды. За это могут и посадить, – он лукаво улыбнулся. – В нашей стране не спрашивают, за что дают деньги. Дают – значит бери.

У вас,

17

дорогой Роберт, понятия коренного американца. Ничего, пусть лежат, вдруг они вам пригодятся. А у меня не уцелеют. Считайте, что я их по ветру пустил.

Роберт внимательно окинул лицо клиента. На алкоголика как будто не похож, значит, безумный игрок на деньги. Сходу внешне не определишь.

– Ну, хорошо, Федор Пантелеевич... что-то крутится у меня ваше лицо. Может быть, когда-нибудь вспомню. Куда едем? – задал он привычный вопрос, словно несколько минут назад они не выяснили, что обоим на «Южный вокзал».

– Как договорились. Мне нужно в ящике камеры хранения взять кое-какие вещи. А потом назад, если не возражаете...

Роберт промолчал. И не только потому, что стал привыкать к странной иронии клиента, что

по непонятному совпадению ему тоже на вокзал и тоже в камбру хранения. А еще – не повторять же, что заедет к Татьяне!

– К любимой женщине? – приветливо улыбнувшись, заметил Федор Пантелеевич. –

Обязательно! Женщинам нельзя отказывать, как и маленьким детям. Особенно – дочке.

Но

только не сейчас. Не советую. Назад я буду вас сопровождать прямиком до вашего дома, Роберт Иванович. И никаких возражений, – мягко добавил он.

Роберт неприятно дернул руль, отчего машина слегка вильнула.

– У меня такое впечатление, словно вы обо мне знаете больше чем я сам о себе.

– Нет, просто я в некотором смысле ясновидец, – и снова улыбнулся, такой хитрой, скрытной улыбочкой.

– Вы ждете от меня подтверждений?

– Да нет. Но мне кажется, я попал в точку. Можете не признаваться. Я не любопытный.

– Не признаюсь, – добродушно согласился Роберт и, глянув в зеркало заднего вида, отметил себе, что уже несколько минут едущая за ними милицейская машина бесцеремонно

МОННО

прибавила газ и пошла в обгон. – И мне кажется, у нас проблемы.

Федор Пантелеевич настороженно обернулся. Из поравнявшейся милицейской машины в открытое окно старший лейтенант выставил жезл, приказывая Роберту остановиться.

Роберт затормозил.

– Мне кажется, им не понравились мои неисправные стоп-сигналы. Так что приехали...

– Ваши документы, – потребовал инспектор, приблизившись к двери и взяв под козырек, –

старший инспектор...

– Я понял, – прервал его Роберт, – снова светильники?

– Вы говорите «снова»? – поймал его на слове инспектор, перелистывая удостоверение. – Так если знали, почему не ликвидировали неисправность вовремя?

– Так получилось... – начал оправдываться Роберт.

Инспектор его прервал:

– Товарищ Корнев Роберт Иванович, выходите, снимайте номерной знак. Вам придется явиться...

– Ничего ему не придется, старший лейтенант, – неожиданно громко произнес Федор Пантелеевич.

С неторопливой расторопностью он вышел из машины, подошел к старшему лейтенанту и,

бесцеремонно приблизив к глазам инспектора какой-то документ, тихо и жестко сказал:

– Он со мной.

Инспектор слегка выпрямился, отдал честь, что-то ответил, по-военному повернулся и пошел к своей машине.

Некоторое время ехали без слов.

Молчание нарушил Федор Пантелеевич:

18

– Не люблю выскочек. Это моя сфера, Роберт... Не волнуйся. Следи за дорогой. Это ничего,

что я с перепугу сразу на «ты»?

– Нормально, – Роберт пришел в себя, скептически усмехнулся, добавил, – как раз вовремя.

Только, кто из нас с перепугу...

– Ясно. Но мы, кажется, приехали. Пойдемте. Теперь, надеюсь, вы поняли, какую я функцию выполняю при вас?

Роберт уныло буркнул:

– Надеюсь. Только деньги все же заберите назад.

– Не заберу. Это деньги ваши. Выделенные вам государством. Используйте в экстремальной ситуации. Да, и вот еще, – он полез во внутренний карман, достал визитку, – в

случае неприятностей, звоните. И будьте осторожны с документами, какие сейчас возьмете.

Дома положите в надежное место и, если потребуется передислокация объекта, – он усмехнулся, – как я не люблю эти громыхающие словеса! – лучше позвоните, приеду в любое

время. Это моя работа.

Он открыл дверь, вышел, подождал, пока Роберт закроет машину, и пошел следом.

Они спустились в цокольное помещение хранилища к стальным крашеным шкафам ячеек,

прошлись по рядам, высматривая нужный номер.

– Вот он, – сказал Федор Пантелеевич, приложил ладонь к крышке сейфа, – говорите код. Роберт секунду притормозил, но, вспомнив, что кроме него самого никто никогда не сможет воспользоваться их с Назаровым работой, назвал цифры.

Федор Пантелеевич критически усмехнулся, потыкал пальцем в кнопки...

– Считайте, что я у вас очень просто забрал эту вещь, – проговорил он, отдавая Роберту пакет, завернутый в целлофан и перевязанный тесьмой.

Роберт не остался в долгу, соорудил победную улыбку:

– Тут нет главного, без чего это, – он тоже приложил ладонь к поверхности пакета, как несколькими секундами назад это сделал Федор Пантелеевич – ничего не стоит.

Роберт с удовольствием отметил едва заметное замешательство на лице Федора Пантелеевича, но не подал вида, чтобы не обидеть человека, почему-то показавшимся симпатичным располагающей к себе деликатностью.

Глава 6

Исчезновение

Женечка открыла сразу, словно все время, пока Роберт разъезжал с кагебистом, ждала его и

даже не занималась хозяйственными делами. На лице – испуг и воспаленная растерянность.

Роберт коротко спросил:

– Что?

Она махнула слабой рукой и направилась в комнату.

Роберт последовал за ней.

– Так что?

– Я говорила, что твой Голый не к добру?

– Ну и что?

– Нет, я говорила?

– Ну, говорила. А я тут при чем?

– Как это при чем?! Не я же принесла в дом эту черную информацию?

19

– Ну, я. Кстати, он был весь белый от уличного освещения. Так что, по-твоему, я не должен

был смотреть, на что смотрели все?

– На плохое, сам говорил, нельзя смотреть, чтобы не стало твоим.

Взбудораженный какой-то несуразицей, Роберт подступил к Женечке и тихо, почти шепотом спросил:

– Что случилось?

Она неожиданно припала к Роберту, охватила его шею и, судорожно сдерживая рыдания, с

трудом вымолвила:

– Роберт, твой друг погиб.

Перед глазами вспыхнула жуткая картина – груды искореженного металла, то ли обломков

корпуса самолета, то ли кузова машины, из хаоса металла возникло изувеченное лицо Назарова. Рядом, сидя прямо на асфальте, осуждающе смотрел на Володю Сабуров, шептал

неслышные слова: «Я же предупреждал...»

– Назаров? – спросил Роберт машинально.

Женечка грустно кивнула.

– Кто сообщил?

– Он.

– Кто? Назаров?!

– Тот же, кто и тот раз. Не сказал кто.

– Если это он, то я только что с ним расстался. Его зовут Федор Пантелеевич. Он, кажется, присутствовал на моем собеседовании в приемной КГБ. Я заметил его там краем глаза, – сказал Роберт.

– И ты так спокойно говоришь о чем угодно, словно с Назаровым ничего не случилось?

Роберт, мимо пропустив ее замечания, сказал отрешенно кому-то в пространство:

– Значит, ты знал свой конец, Володя. Знал и предупреждал...

Женечка с нарастающим страхом смотрела на Роберта.

– Предупреждал?.. – слова у нее застряли в горле, когда она еще что-то попыталась сказать.

– По телефону, – добавил он. – Что сказал тебе этот человек? Дословно можешь?

– Да... – она тяжело сглотнула комок, – то есть приблизительно... Роберт, ты от меня слишком много хочешь! Я потеряла все слова, – она прижала полотенце ко рту, каким-то образом оказавшееся у нее в руках, – сказал, чтобы я тебя подготовила и не сразу... ну ты понимаешь, дорогой...

Роберт покивал головой:

– Не волнуйся, милая. Меня подготовил сам Назаров по телефону. Но я как-то легкомысленно это принял.

– Так вот этот твой Федор Пантелеевич сказал, что его и водителя раздавил паровоз...

Большой состав на переезде. Нашли его одежду и кейс... тело изуродовано до неузнаваемости.

Боже! Что теперь будет с Ниной?! Какой ужас! А каково ребенку, их сыну? Ты представляешь,

Роберт? Что делать, что делать?..

– Что делать... Нужно ехать к ним в Москву. Им, наверное, уже сообщили официальные органы.

– Не понятно, почему молчал твой Федор Пантелеевич, если знал? Что это значит, Роберт?

– Женечка испугано глянула на Роберта. – Это неспроста, это не случайность, ты понимаешь?

Это не несчастный случай! Твой Федор Пантелеевич знал и не сказал, значит, ему так нужно

было. Это что-то связанное с твоей и Володиной работой. Я теперь поняла... – Она вдруг в

истерике сжала и подняла над головой кулаки, – это ты виноват! Ты! Ты придумал какую-то

гадость, и Володя из-за нее погиб. Ты понимаешь это?!

20

– Женечка, успокойся. Я не один ее придумал. Это и его воля, – проговорил он, прижимая жену к себе, – тихо, милая. Успокойся. Судьба. Нам теперь нужно подумать, как взять под контроль Нину и Анатолия, их сына. Окружить заботой, наверное... – Роберт растерянно подыскивал подходящие слова, но получалось как-то казенно, оскорбительно для близких ему

людей. – Нужно срочно ехать к ним...

– Роберт, что-то здесь не так. Я боюсь. Выходит, настала твоя очередь. Ты это понимаешь?!

– Понимаю, милая, – бессмысленно повторил он, поглаживая ее плечо. – Понимаю,

успокойся. Со мной все будет в порядке. Мы с тобой под охраной. Сегодня мне об этом сказал

Федор Пантелеевич. Так что не волнуйся. Вот его визитка, – он выложил на туалетный столик

синий квадратик.

Женечка взяла визитку, бессмысленно осмотрела ее со всех сторон.

– Откуда он узнал о вещи, которую тебе передал Назаров?

Роберт не ответил, смотрел на пакет, старался понять, чем может быть плоский квадратный

предмет, просматривающийся сквозь матовую поверхность упаковки.

Снял целлофан. Оказалась коробка ассорти, нарядно перевязанная блестящей изумрудной

ленточкой.

Роберт вывернул ленту и написал карандашом дату текущего дня и время. Повернул ленту

надписью вовнутрь – примитивная примета на случай, если кто-то из домашних проявит свое

любопытство. Впрочем, это исключено. Его вещи, как и рукописи не только не трогали руками, например, во время уборки, просто боялись прикоснуться без его согласия.

Женечка настороженно показала пальцем на коробку.

– Конфеты? Что все это значит? Это то, из-за чего погиб Володя?

Роберт кивнул.

Женечка растерянно посмотрела на Роберта:

– Ты шутишь?

– Это всего лишь камуфляж. Назаров раскрывать запретил, пока я не закончу начатую работу. Поставлю. Даже не прикасайся!

– Почему?

– Наверное, он знал, что это, – он провел ладонью по поверхности пакета, – может повредить правильному завершению моей работы в лаборатории.

Он подошел к серванту, сдвинул вправо на середину полки фотоаппарат «Зенит-Е», которым пользовалась только Женечка, и толстую общую тетрадь, куда решил поденно заносить результаты работы над прибором, приставил торцом к боковой стенке коробку Назарова, вплотную к ней, чтобы не свалилась, придвинул тяжелую цветочную вазу. Тетрадку

положил справа, почти посередине. Внимательно посмотрел, запоминая их расположение

относительно друг друга.

– Я прошу тебя, не меняй положение вазы и коробки и тетрадки. Хорошо?

– Не волнуйся. Что я не понимаю о чем ты.

– Договорились. Знаешь, мне пришла мысль. Ты собирайся, оденься не очень ярко... ну ты

меня понимаешь. Зайдем в кафе, помянем Володю. Согласна? А там решим, что делать дальше.

– Да, дорогой... Согласна, – Женечка засуетилась, пошла в прихожую одеваться. – Мне нельзя крашиваться, да?

– Ну... Может быть, немножко...

– Пойду, скажу маме, что мы ненадолго.

– Хорошо. Я ожидаю внизу у подъезда, – кинул он, выходя на лестничную площадку.

На улице стоял ласковый солнечный день. Нельзя сказать, что очень жаркий, просто

подходящий день для беззаботной прогулки, но только не для поминок, и это никак не
21
сопутствовало настроению. Он убеждал Роберта в неизменности течения событий, не
настраивал на мрачные мысли. В кулуарах сознания по-прежнему лежала привычная
уверенность встречи с Назаровым, детальное обсуждение полученных результатов,
счастливое чувство продолжения работы... Иногда, представив перед собой Володю
живым,
ловил себя на мысли, что заводит с ним спор на острую тему, углубляется в детальное
обсуждение сложных процессов накладок информации на подсознание субъекта, и, ули-
чив
себя в равнодушии к гибели друга, не очень клял себя за кощунство. Это было сознавать
странно и стыдно одновременно.
Всю дорогу Роберт молчал. Не получив ответа ни на один свой вопрос, Женечка затихла и
угрюмо молча следовала за Робертом. Возле кинотеатра «Россия» вошли в кафе. Осто-
рожно
осмотревшись, боясь встретить кого-либо из знакомых, заняли столик в углу возле окна.
Здесь
из середины зала на фоне яркого света от окон, были видны только их силуэты. Это
устраивало. Роберт принес от бармена маленькую бутылку коньяка, бутерброды с ветчи-
ной и
три стакана. Подумав немного, пошел во вторую ходку и добавил плитку шоколада и
бокал
пива. Разлил коньяк. Один стакан поставил напротив стула, где должен сидеть Назаров,
прикрыл его кусочком хлеба, поднес к глазам свой тост, посмотрел в янтарную жидкость,
сквозь нее различил мутное личико супруги, сказал:
– Лучше бы ты не говорил, друг, «на всякий случай»! Как ты мог?! Володя! Ты же знал,
чем заканчиваются неосторожные слова в нашем мире!
Женечка широко раскрытыми от ужаса глазами смотрела на Роберта. Может быть, в эту
минуту она вдруг приняла произнесенное Робертом за действительность: живой Назаров
так
же молча, как и она, теперь сидел с ними за столом и одобрял слова друга. Из уголков глаз
нагло выкатилась жгучая жидкость, обозначила черную дорожку на щеках. Роберт
коротко
взглянул на ее лицо, подумал, что говорил же, чтоб не красилась, она поспешно выпила
коньяк, выхватила из сумочки носовой платочек, поднялась и поспешно направилась к
бармену. Роберт видел, как несколько секунд Женечка расспрашивала бармена, потом
торопливым сбивчивым шагом ушла в служебную половину помещения и исчезла. Все
выглядело очень правильным, рассчитанным. Но только зачем нужно было идти в туалет,
не
ресторан же! Макияж можно было нанести и за столом. Потом сказал себе, какой была
Женечка, могла ли ее аристократическая натура и воспитание позволить ей поступить
иначе?
И снова ему показалась странной собственная холодность и фальшь к собственной
супруге.
Требовалось срочно разобраться в этом. Нужно было выяснить причину своего отноше-
ния к
женщине, которую должен был любить. Нужно было это сделать, пока не зашло далеко. А
времени все не хватало, боялся правды, боялся боли, какую мог принести святой жен-
щине,

если правда окажется убийственно жестокой.

Он не помнил, сколько просидел в одиночестве за пустым столом. Оглянулся на соседние столики – их занимали уже совсем другие посетители.

Роберт удивленно поднялся, подошел к бармену, спросил:

– Извините, вы не видели, женщина, которая к вам только что подходила со своим вопросом, вернулась? – он кивнул в сторону служебного помещения.

Молодой парень поджал губы:

– Какая женщина?

– Ну, вот только что. Она вас о чем-то спрашивала. И пошла туда, – Роберт снова показал на хозяйственную половину.

– Да нет... Я не знаю никакой женщины, товарищ... Пройдите, сами узнайте.

Роберт пошел по тускло освещенному и кисло пахнущему коридору. В самом конце его светилась дневным светом настежь открытая дверь во двор, сбоку прочитал на двери: «Туалет». Взялся за ручку, но остановился, спросив кого-то вслух:

22

– Какой, мужской или женский? Черт!

– Общий, – услышал за спиной и обернулся.

Женщина необъятных размеров в халате проницательно изучала его растерянное лицо.

– Извините, моя жена ушла в туалет и не вернулась вот уже... может, что случилось?..

– Ну, так зайдите, посмотрите.

– А если там женщина?

Необъятная расплылась в понимающей улыбке:

– Так вы точно не знаете, жена или женщина? И это, между прочим, служебный туалет, молодой человек, – но, погасив усмешку, решительно открыла дверь туалета, жестом пригласила вовнутрь.

В прихожей, где умывальник, никого не было, в кабинке – тоже. Роберт взглянул наверх,

на

открытую фрамугу. Она была недоступна, и снова услышал насмешливый голос женщины в

халате:

– Это для нее слишком высоко.

Откровенно растерянный Роберт вышел в коридор, затем – в зал, внимательно осмотрел все столики. Их с Женечкой столик пустовал, в то время как посетителей в зале все пребывало. Может быть она, выйдя из туалета, спутала двери и вышла в хозяйственный двор?

Он кинулся наружу. Здесь было безлюдно, возле открытой двери в служебное помещение сиротливо стоял «Москвич-комби». Заглянул в приоткрытые ворота двора кафе...

Напрашивалась сторонняя мысль, и на Женечку это было похоже – обиженная или чем-то смущенная женщина выразила протест своим уходом. И этого не может быть. Куда ушла?

К

подруге Рите, которая живет где-то в районе «Харьковских дивизий» или домой?

Из кафе домой Роберт возвращался один с тревожным чувством одураченного идиота. В квартире не сбросив обуви, недоуменно кинулся осматривать комнаты в надежде обнаружить

супругу. Заметив его состояние, теща с удивлением молча следовала за ним по пятам, смотрела на него требовательным взглядом, когда он снова возвращался, заглядывая во

все

углы. Выглядело смешно, но было не до смеха и он, наконец, остановился и осмысленно спросил:

– Куда она могла уйти?

Теща не сразу отреагировала:

– Кто?

Роберт продолжительно смерил ее глазами:

– Ну, кто же еще?! Ваша дочь! Моя жена.

– Но разве вы были не вместе?

– Вместе. Но она ушла, ничего мне не сказав.

Теща подумала, улыбнулась, махнула слабой рукой:

– Это может быть. Видно провинился ты, Роберт.

– Что значит провинился?! Не сказать ни слова, встать из-за стола и уйти... не известно куда.

– Да не беспокойся ты. Она мне сказала, что задержится. Наверное, зашла к подруге.

Но это было только начало странного исчезновения. Женечка не появилась ни вечером,

ни

ночью, ни утром, когда Роберту нужно было идти на работу. С работы он несколько раз звонил теще. Та с нарастающим волнением кричала в трубку, обвиняя его в утере ее

дочери,

что Женечки дома не было, нет ее и на работе, она звонила, не было ее и у подруги Риты, и возможно ее уже украли. Кто украл?! Да кто еще мог украсть?! В лучшем случае бандиты,

в

худшем – НЛО. Он что не знает, ученый изобретатель, тоже называется!

Тогда он позвонил в конструкторское бюро завода Малышева, где она работала. Ему ответили, что они и сами не понимают что с ней, думали, что заболела.

23

Объяснив Виталику, своему непосредственному начальнику, в чем дело, Роберт поехал в районную милицию.

– Когда пропала? – дежурный милиционер, зевая от жары, устало спросил, прикрывая рот ладонью.

– Вчера.

– Рано.

– Что рано? – недоуменно переспросил Роберт.

– Рано оформлять розыск и, следовательно, подавать заявление об исчезновении гражданки.

– Не понял?!

– Только после трех дней исчезновения...

Роберт, оглушенный диким безрассудством порядка, в первую минуту не мог произнести хоть сколько-нибудь вразумительное слово. Запинаясь, он с трудом проговорил:

– Вы шутите? Да за это время в такую жару любой труп в любом месте даст о себе знать без вашего поиска. Вы это понимаете?!

Дежурный развел руками:

– Понимаю, но ничего не могу сделать. Такова инструкция. Приходите по истечении трех дней. Будем искать.

Вторую ночь он провел в бессоннице. Теща неистовствовала. Напрямую обвиняла

Роберта

в плохом обращении с ее дочерью, а значит и в пособничестве ее похищения. Тесть слег в больницу с сердечным приступом. Приходить домой теперь было небезопасно. Доведенная до

истерии

старая женщина каждую минуту ожидала бандитов, которые придут требовать выкуп за дочь. Встречала Роберта на пороге, как врага народа с безумным ненавистным

взглядом и готовностью обрушить на голову несчастного инженера не только град проклятий,

но и скалку для теста, которую держала цепкими старческими пальцами наизготовку. Поэтому, не найдя куда деться, решил навестить Татьяну с дочерью.

Глава 7

Косточка

Солнце опускалось за спиной, за крышами, и таяло над тихим озером в темной полосе фруктовых садов и лесополосы. На фоне тускнеющего неба все четче выступали строгие белые коробки капитальных домов. Они росли на глазах, превращались в небоскребы и, казалось, вот-вот зашагают по головам своих жалких собратьев – пестрым крышам доми-

ков

Поселка. Жара, наконец, спала, вечерняя прохлада еще не легла на землю, дышать становилось все легче.

Не заходя в дом, Роберт сел на скамеечку под окнами дома, чтобы придя в себя, осознать последние события в своей жизни...

У края пыльной дороги, на куче песка играли дети – Борька, худенький Костик и его дочь Наташа. Помахивая над головами длинным крючковатым хвостом, возле ребят важно прохаживался рыжий пес Плутон.

Песок ярким пятном был замечен еще с трассы. Ранней весной сын бабы Насти, двоюродный брат Татьяны, Григорий, сорокалетний холостяк, выгрузил его напротив своих

окон с самосвала, на котором работал. И едва успел откатить, громынув кузовом, пустой самосвал, как тут же ребята завладели манящей рыхлой горой.

Выкроив время, Роберт приезжал после работы проведать Наташу и, не заходя в дом своей

незаконной тещи, отдыхал на скамеечке под окнами дома, наблюдая за детьми. Сегодня он

24

совершенно не представлял, как пройдет неожиданная встреча с матерью Татьяны, и подсознательно хранил дежурный вариант «на постой» у бабы Насти, ее сестры. Решив таким

образом, он тихо сидел, убажывая истому после институтской напряженки и наблюдая за детьми. Их возня гипнотизировала.

Обычно вопросы задавал Борька. В ребячьем галдеже его тонкий и пронзительный голос

повисал в воздухе и назойливо мешал Наташе и Костику. Потом неожиданно обрывался, и

все, как по команде, смотрели в сторону Роберта, а Борька просил, понизив голос:

– Дядя, ну скажите вы им, балбесам!

– Борька! Папа, что тебе?.. Справочное бюро? – ревностно тут же возмущалась Наташа. Борька захлебывался от смеха, валился на спину, катался по песку:

– Ой! Не могу. Сказала тоже. Бюро!

С Костиком Роберт впервые познакомился при особых обстоятельствах. Как-то раз, вскоре

после появления Роберта в доме Татьяны и ее матери, он возвращался с работы поселковой

улицей, неся купленное возле перекрестка мороженое в стаканчике. Еще не успев снять бумажный пяточок-этикетку и, предвкушая приятную прохладу во рту, Роберт заметил играющих на песочной куче ребят.

Первый его увидел Борька. Наклонив голову, Борька украдкой глянул в его сторону, что-то шепнул Костику на ухо, и когда Костик, не раздумывая, помчался навстречу Роберту, от восторга зажал рот руками.

– Дядя, подождите! – кричал Костик, размахивая руками. За ним, подхваченный азартной

игрой и подняв на всю улицу незлобный лай, увязался Плутон. В самый ответственный момент, – когда прохладный стаканчик приближался к пересохшим губам, – Костик, боясь,

что опоздает, подбежал и, тяжело дыша, выпалил:

– Дядя, подождите! Давайте лучше я его доем!

Роберт остановился, окинул Костика растерянным взглядом, заметил:

– Но я его еще не начал...

– Не надо, – сказал Костик, – я его сам начну.

Роберт протянул Костику мороженое, снял очки, протер платком запотевшие стекла, словно это не Костик переволновался, а он, взрослый человек, только что лишившийся приятной влаги. Малыш взял стаканчик и, осторожно ступая, принялся медленно сли-

зывать

верх. За ним, опустив хвост, понуро поплелся Плутон. Когда Роберт и Костик приблизились к

песку, Борька торопливо отвернулся и, едва сдерживаясь, стал прыскать закрыв лицо ладонями. Его вполне оправданный смех невольно передался Роберту. Еще бы! – зна-

комство

состоялось в непринужденной обстановке!

С тех пор, появляясь в Поселке, Роберт не забывал о прохладном стаканчике, и Костик принимал угощение, как обязательный ритуал, разрешающий Роберту принимать уча-

стие в

ребячьей компании.

В этот раз его появление на проселочной дорожке вначале заметил Плутон. С веселым радостным гавком, щедро виляя хвостом, он подскочил, вытянул лапы вперед и, прижав

уши,

стал припадать к ногам Роберта. На ходу вручив традиционный стаканчик подбежавшему

за

угощением Костику, Роберт устроился на скамеечке с намерением независимо понаблюдать за

нехитрыми играми ребят.

Получив угощение, Костик вернулся к ребятам, предусмотрительно остановился в сторонке. Наташа, увидев Роберта, сорвалась с места, с разбегу прыгнула ему на руки,

крепко

охватила шею, зашептала:

– Миленький папочка! Я так соскучилась! Ты посидишь, правда? Пока мы поиграем, хорошо?

25

– Ну конечно! Я поэтому и пришел... – сказал он, как и она, таинственно тихо, целуя ее возле ушка.

Она живо спрыгнула с рук, бегом вернулась к детям и, присев на корточки (Татьяна ей запрещала садиться на влажный песок), сердито, исподлобья смерила Костика осуждаю-

щим

взглядом. Борька тоже не оставил Костика без внимания, выдержал паузу, заметил с

усмешкой:

– А мороженое нашару вкуснее, правда, Косточка?

– Бессовестный, – негромко произнесла Наташа, покосившись на Борьку.

Костик же, стараясь побыстрее справиться с мороженым, независимо смотрел куда-то в сторону, как будто слова друзей его не касались.

– Ты всегда так делаешь. Ты знаешь, что он глупый и поэтому так говоришь, – кинула она Борьке. – Бессовестные вы все! – расстроено проговорила Наташа, украдкой исподлобья глянув на Роберта, – и Плутон тоже – дурак.

Услышав о себе, Плутон опасливо пригнул к земле голову и отвернул острую морду. Ему, наверное, показалось, что нужно поскорее незаметно уйти, чтобы не влетело как следует.

– Из голодного края... – ворчливо вполголоса добавила Наташа.

Разумеется, замечание относилось к Костику. Борька глянул в ее сторону, его маленькие глаза на круглом довольном лице хитро спрятались в улыбке.

– А у Костика аппетит лучше, чем у тебя. Правда, Косточка? – едко заметил Борька.

Костик же кивнул без особого восторга:

– Ага, я съем!

– Я съем... – передразнила его Наташа. – Тебе что, мама не готовит?

– Ага.

– У него бабушка, – сказал Борька, – а маме некогда. Она с дядей ездит на машине.

– Бабушка не может, она старенькая, – возразила Наташа. – Нужно, чтобы мама оставляла ему обед. Или записала в наш детский садик. Нас кормят, знаешь как, Боречка!

– Ничего, пусть привыкает сам добывать себе пищу. Правда, Косточка? А то вырастет тунеядцем. Ты бери пример с Плутона. Плутоша, ко мне!

Пес вильнул хвостом. Он понял, что его прощают. Непонятный спор улегся, ему снова оставлено место среди ребят и возвращено прежнее уважение. Он быстро опомнился, от радости закрутил головой, тыча мордой Борьке в живот. Борька притворно опрокинулся

на

спину и, ежась, будто от щекотки, запищал:

– Ой, мамочки, волк!

– Ты, Боречка, все врешь!

Борька приподнялся на локоть и нахмурился.

– Это все ты придумал, – продолжала Наташа, – человек не должен брать чужой еды без разрешения. Понятно? Еду нужно заработать!

– Сказала, тоже! Он еще маленький. Правда, Косточка?

– Ага, я съем...

– Съем, съем... Э-э! – показав язык и собрав морщинки на веснушчатом носу, передраз-

нила

Наташа. – Нахальный ты, вот что!

– Ничего ты не понимаешь. Мой папа умнее тебя, – возразил за Костика Борька. – Он говорит, что человек должен все брать себе сам. А то другие заберут. И тогда он умрет.

Косточка, ты скоро умрешь?

Костик задумчиво уставился на Борьку. Мороженое он давно уже съел, и теперь сосал палец и слушал то Борьку, то Наташу, не вмешиваясь в разговор и несколько не выявляя своего отношения к тому, о чем говорили ребята. Насытившись, он словно пришел в себя

26

после голодного шока, молчал, как будто пытался разобраться – а что, собственно, произошло?

– Не бойся, Костик. Он обманывает. У Кости мама есть, Боречка. И он не умрет.

– Ага, ты сама сказала: Косточка не работает, а его кормит мама. Ну, что, чья взяла? А

говорила, что еду нужно заработать!

– Он еще маленький. А когда вырастет... – обидчиво пропищала Наташа.

– Когда вырастет... когда вырастет... Вот ты не работаешь, а тебе мама игрушки покупает.

Ну, вот, – Борька перевалил на другой бок, уперся локтем в песок. Другой рукой он держал за

ухо Плутона, развалившегося рядом, и победно смотрел на Наташу.

Костик, наконец, вынул палец изо рта, посапывая, сел в ямку, вырытую в песке накануне,

и

сказал задумчиво:

– А мне мама конструктор купит.

– Она и в прошлом году тебе обещала. А пока она купит, мне папа купил уже два – один железный, другой пластмассовый, – сообщил Борька.

Костик промолчал, принялся что-то чертить пальцем по песку. Он снова задумался. Стал похож на Буратино – тонкий с острым носом и большими откровенными глазами, бесцельно

смотрящими себе под ноги. На нем неплохо сидел добротный сшитый модный костюмчик

–

кофточка с рукавами до локтей и шорты – измазанные зеленью и глиной. Он не сразу ответил

Борьке:

– Ей было некогда. А сегодня она купит мне конструктор. Я сделаю самокат. Такой, чтобы не отгаливкаться. Встал и поехал. Солнечный.

Наташа с надеждой глянула на Костика:

– А потом, когда вырастешь, будешь покупать маме. Да, Костик?

Борька притворно засмеялся, показывая на Наташу пальцем.

Наташа сердито нахмурила брови:

– Ты не смейся, Боречка. Я тоже буду покупать моему папе и моей маме. Ясно тебе? – выпалила она, смущенно покраснев.

– Да? Вот тебе! – и Борька сунул в лицо Наташе кукиш. – У тебя нет денег.

– Я деньги заработаю, – сказала она спокойно.

Борька почувствовал, что проигрывает, вскочил на ноги. В голосе у него появились крикливые нотки:

– Да кто тебя примет на завод? Ну, скажи, кто?!

Не обращая внимания на спор, Костик продолжал основную мысль:

– А потом, когда испытаю свой самокат, отдам на завод. Пусть сколотят побольше. Только настоящие. И чтоб досталось всем пацанам на всей земле. Моему самокату бензин не нужен.

И атома тоже. Он солнечный. А солнца много – всем хватит.

Он замолчал в ожидании, что скажут Борька и Наташа. Чувствуя свое превосходство, Борька с усмешкой смотрел на Наташу.

– Ты такой глупый, Боречка. Я же тогда вырасту, – наконец объяснила Наташа.

От возмущения Борька даже подпрыгнул. Он запищал, вертясь перед Наташей, обвиняя ее

в том, что она неправильно понимает жизнь.

Неизвестно, чем бы закончился их спор, но как раз в этот момент к дому Костика, хлопая скатами по неровностям почвы и шурша галькой возле ворот, мягко подкатили красные «Жигули». Из машины вышла стройная женщина, одетая в модное легкое платье, с сумочкой

на длинном узком ремешке через плечо.
Костик подбежал, обхватил руками высокие ноги, уткнулся лицом в гладкую ткань.
Женщина на минуту замерла, точно прислушиваясь к чему-то внутри себя, тяжело вздохнула,
осторожно отстранила сына.

27

– Костя... Костя... подожди, дружок, – произнесла женщина. На ее тонком и ровном лице появилось выражение нетерпения. – Вовик! – нервно позвала она.
Водительская дверца отворилась, полный мужчина в джинсах и белой навывпуск рубашке выставил ногу наружу и стал вытирать тряпкой лобовое стекло.
– Идиотская мошка... – сказал он громко тонким голосом.
– Костя, подожди, – повторила женщина, – я так устала! Вовик, ах, я изнываю. Эта жара меня скоро доконает...
– Мама, – перебил ее Костя, – ты купила конструктор? Ты обещала.
Женщина обморочно закатила глаза, глубоко вздохнула, ловко поправила короткие вьющиеся волосы:
– Ты же видишь, мама валится с ног. Чего ты хочешь? Какой конструктор?
– Такой... – он взмахнул руками.
– А... не успела. Пусти. В другой раз, – она оторвала Костины пальцы от платья и пошла к калитке. Костик, уныло последовал за ней, опустив голову.
Возле машины остался один Вовик с ведром воды и тряпкой. Жидкая грязь, стекая по гладкой поверхности металла, глухо шлепала в пыль.
Сумерки спускались на землю. Было душно и тихо. Громко плескалась вода...
Улица затихала. Роберт поднялся и пошел в дом бабы Насти.
На следующий день, была суббота, пользуясь бесконечным гостеприимством бабы Насти, Роберт, разлегся на тахте, спасаясь от жары, перечитывал журнал «Наука и жизнь».
Из приоткрытого окна доносились звуки поселковой улицы: ребячьи крики, носилась под окнами, редкие прохожие шли мимо по асфальтированной дорожке, громко выбрасывали обрывки своих проблем, жужжала, резко стучала о стекла оса, бесцеремонно влетевшая в прохладное помещение. Несколько минут спустя, словно в самой комнате, заговорил Борька,
потом, – Наташа...
Они снова сошлись на своей любимой песочной куче.
– Я решила вот что, – хозяйским тоном произнесла Наташа. – Я буду мамой, Костик сыночком, а ты Боря, – тут она помедлила, собираясь с духом, и более строго добавила, – папой.
– Ты что, с ума сошла?! – завопил Борька.
– Нет, Боречка. Я решила это вот почему. У Костика целый день нет мамы. Он беспризорный. Его бабушка старенькая и боится выходить на улицу, чтобы его покормить.
Поэтому мы с тобой создадим семью. Я – мама, ты – папа...
– Ты что?! – вскрикнул Борька.
– Ты не бойся, Боря, – серьезно сказала Наташа, – не правдашнюю. А то наш сыночек, Костик, умрет с голоду. Он целыми днями ничего не ест.
– Я съем, – сказал Костик, – что хочешь.
– Давай варить, – продолжала Наташа. – Это суп. Он на мясном бульоне, с картошкой. Ты

тебе
лук не отгребай, он полезный. А это лепешки. С вареньем. Пока не съешь суп, лепешек

не видать, как своих ушей. И вилку держи в кулаке, вот так...

Наташа перечисляла различные блюда и обучала Костика достойным манерам. Ее никто
не

перебивал, и Роберт уснул под монотонную музыку ее голоса.

Разбудила тишина. Солнце перевалило на запад, и теперь баба Настя, наверное, набегавшись за день, отдыхала у себя во флигеле, приготовив обед к приходу Григория с работы.

Думать о Женечке не хотелось. Все равно, ни он, ни милиция ничего не сможет сделать, пока все не выявится само собой. Осталось два дня до официального объявления в розыск.

Перед сном с таксофона звонил домой, хватала трубку теща уже на первом сигнале, услышав

28

голос своего преступного зятя, взрывалась обвинениями в его адрес, грозила подать на него в

суд.

Привлек внимание осторожный звук. Роберт пошарил рукой на пуфике, нашел очки, и через открытую дверь в прихожей перед распахнутыми дверцами накрытого старенькой клеенкой кухонного стола, увидел Костика. Малыш сидел на половике, по-турецки скрестив

босые ноги, перед ним прямо на полу стояла миска с румяными блинами. Не торопясь, он ел,

сосредоточенно глядя на теплую пахучую горку.

Когда на дне миски осталось еще есколько блинов, часы «кукушка», висящие перед столом

на стене, издали шипение. Костик вздрогнул, глянул на высунувшуюся птицу и замер.

Роберт

тихо произнес:

– Костя...

Малыш не шевельнулся. Смотрел прямо перед собой.

– Скажи честно, ты наелся?

Он молчал.

– Но, между прочим, мог бы, и попросить у бабы Насти. Она тебе никогда не отказывала. Или у меня.

Роберт присел перед малышом. Глаза Костика ушли в себя.

– Ну, скажи, зачем обижаешь бабушку Настю? Ты же знаешь – она старенькая, готовить ей

трудно, а дядя Григорий придет с работы, и его нечем будет покормить.

Костик шмыгнул носом, заморгал. От широко открытых глаз на щеках до подбородка образовалась мокрая дорожка.

Роберт пожалел о сказанном, поднялся и с опаской глянул в окно. Дверь во флигель была открыта. Баба Настя, склонившись над корытом, стирала белье.

– Ты вот что, Костя, – сказал он заговорщически, – беги отсюда. Баба Настя идет...

И едва прозвучало последнее слово, Костик вскочил, украдкой глянул в сторону Роберта, схватил оставшиеся блины и выбежал прочь.

Еще протяжно и громко скрипя закрываясь тяжелая дверь, а на пороге, ведя Костика за ухо,

предстала перед Робертом баба Настя.

– Ты чего, малец, тута распоряжаисси? – проговорила она, обращаясь к Костику и обшаривая глазами углы прихожей. – Божечки мои! – всплеснула она руками, увидев на полу

пустую миску из-под блинов.

Костик рванулся к двери. Баба Настя, хватая руками воздух – пыталась удержать беглеца

–
кинулась следом, на ходу срывая с гвоздя висящую на стене бельевую веревку. Ее длинная

юбка, едва не защемленная дверью, хлестнула в проеме.

Роберт подбежал к окну:

– Баба Настя, у тебя молоко, кажись, сбежало, – крикнул он, перегнувшись через подоконник, – чем-то пахнет...

Она остановилась и затоптала на месте, не зная, что ей делать в первую очередь.

– Убег, – сказала она, – и про молоко я, старая карга, совсем запамятовала! Беги, милок, погаси огонь... Ан нет, погоди. Да погоди, говорю! Откель молоко? – она посмотрела на Роберта мутными доверчивыми глазами. – Сегодня ж суббота. Сегодня ж я не брала молока.

Забил ты мне голову, сынок. И негодника я этого упустила, – с досадой махнула она рукой. –

Ах ты, окаянный, чево наделал! Иродова душа... убег, – сокрушалась она, старчески покачивая головой, покрытой ослепительно белой косынкой. Она возвращалась быстрым дробным шагом, шаркая в тапочках во дворе по цементному настилу.

Незлобно и обидчиво баба Настя еще ругалась, хлопотала по хозяйству, когда Роберт вышел на улицу, посидеть перед наступлением вечерних сумерек.

29

Как только подкатили «Жигули» и из машины вышла мать Костика, а с водительского места высунулся, выставив ногу в джинсах, Вовик, откуда-то выбежал Костик. Перед матерью замедлил шаг, нерешительно подошел поближе и цепко ухватился за оборку подола.

– Чего тебе, Костя? – женщина одернула платье, поправила волосы, легким движением провела пальцем вдоль губ... – Вовик, поставь машину и пошли!

– Мама, ты мне купила конструктор?

– Ой, Костя, ты же видишь, что мама с работы? Когда бы я тебе купила? И потом, что – у меня сегодня получка? Да? Ну, вот...

Костик вяло отпустил платье, достал из-за пазухи свернутые в трубочку блины. Его рука, выпачканная маслом, заблестела в свете заката. Женщина с ужасом вскрикнула:

– Что это за дрянь у тебя?!

– Это не дрянь. Это блины. Тебе... – понуро сказал.

– Фу! Где ты это взял?! – закричала женщина, ее лицо резко изменилось, стало некрасивым

и злым. – Ты почему, когда меня нет, по мусоркам лазишь? Ну! Говори, почему?! – она дернула Костика за руку и, подталкивая ладонью в плечо, повела его в дом.

Роберт подумал, что и ему пора. Нужно постараться выспаться, встать пораньше и, пока его не затормозила, собираясь утром в детсад Татьяна с Наташей, уйти на работу. Там, скорей

всего, включив знакомых и связи, попытаться самостоятельно организовать поиски Женечки.

Наступило время прощания. Сейчас откроется калитка и появится Татьяна. Она молча

постоит, не глядя на Роберта, понаблюдает за детьми. Потом решительно крикнет: «Наташа!

Домой!»

Роберт постоял, подождал. Вот она вышла, приблизилась к едва различимому в сумерках Роберту, молча обняла, сильно прижалась к нему, всхлипнула... Потом решительно оторвалась, отошла, позвала Наташу. .

Наташа тут же отделилась от детей, подбежала, прыгнула Роберту на руки и, крепко охватив его шею, зашептала горячим дыханием:

– Папочка, ты еще придешь? Ты придешь?..

– Натаня, не волнуйся. Я сегодня ночью у бабы Насти...

– Ура!! – крикнула она и, крепко стиснув шею, принялась осыпать Роберта поцелуями. Уже темнело.

Узкие, возвышающиеся над поселком девятиэтажные коробки Новых домов блестели на вечернем небе и казались гигантскими небоскребами. Город подступал все ближе к

Поселку

и, может быть, где-то сегодня был сдан еще один жилой дом. Жильцы справляли новоселье...

Глава 8

В другом измерении

После глубокого непрерывного сна сознание просыпалось на ходу, машинально выполняло

привычные движения везде – в транспорте, на переходах и перекрестках. Глаза определяли

правильный маршрут, ноги быстро и безошибочно вбрасывали тело в вагон, руки цепко хватались за предметы общественного пользования, вестибулярный аппарат, надежно ориентируя, работал как у натренированного космонавта. Но самое приятное ощущение просыпающемуся сознанию приносили неторопливые независимые мысли по оценке прошедших событий. У них был другой характер и отношение другого человека. Куда-то делась угнетающая тяжесть ответственности и зависимости. Отдохнувший разум получил

кратковременную возможность трезво разобраться в проблемах и правильно их разрешить. В

30

этом, видно, сыграл немалую роль из открытых настежь окон дома бабы Насти чистый Поселковый воздух. Роберт отнесся к этому своему состоянию с благодарностью, как к Божьему дару. И сейчас, замкнуто сидя в электричке метро, использовал эту возможность,

обдумывал встречу с Ниной, понимая, что скоро, может уже в самолете, окончательно проснется его истерзанный разум и все вернется в круги своя: снова будут мучить противоречия двух противоположных семейных миров, будет съедать совесть, угнетать обязанность, заставлять ум ловчить и изворачиваться, чтобы, стремясь к равновесию, избежать страданий близким людям. Теперь, когда представилась возможность трезво определить правильные поступки, нужно без эмоций привести их к ясности: Назаров, Женечка, Татьяна. А главное – в такой же последовательности... если хватит выдержки и обретенного состояния.

Приехав на работу еще с неустойчивостью мыслей, он согласовал с Виталием Ивановичем

свое отсутствие в лаборатории на время поездки к Назаровым. Туда же, в лабораторию, не понятно, каким образом проник телефонный звонок типа, не назвавшего себя. Роберта

позвали к городскому, и анонимный мужской голос, показался очень знакомым, сказал, что

жена Назарова в настоящий момент из Харькова, где была у своих родственников, выезжает в

Москву, и он, Роберт скорее всего может ехать по известному ему Московскому адресу. Почему-то подсказка незнакомца Роберта не удивила, хотя была очень кстати, не нужно было

перед отъездом звонить в Москву, он сказал обычное «спасибо», как за полученную городскую справку, и положил трубку.

Время меньшее получаса, проведенное в салоне самолета, не изменили настроя, в памяти крутились отрывки деловых встреч, радостных маленьких удач, насмешки в адрес агрессивных идеологов, пытающиеся раскусить их с Назаровым орешек, их открытие. И вдруг невольно ловил себя на мысли, что не чувствует скорбной потери друга, проходила нормальная деловая поездка к Назарову, каких было немало, впереди его ждала приятная встреча с Володей и его милой Ниной... Возможно ли такое – лезут праздные мысли, и он, притворяясь, наслаждается ими, будто ничего и не произошло? Не от небрежности и невнимания ли к людям все его мытарства? Все неприятности и семейные противоречия?.. Но

тут же, поймав себя на самосъедании, заметил, что ничего кошунственного в том нет, что в

голове возникают памятные воспоминания о друге, с которым провел многие творческие годы.

Но дверь в квартиру на улице Летчика Бабушкина показалась незнакомой. Тут же утратилось лживое спокойствие. Участило сердце. Нужно было взять себя в руки. Роберт нажал кнопку, в памяти всплыла прощальная их отметка после пресловутого Ученого

Совета

в Лектории. Возник в больничной пижаме жестикулирующий Сабуров...

Дверь открылась сама под незначительным нажатием пальца. Здесь ждали любого, кто придет.

На пороге стоял паренек лет семнадцати. Лицо у парня измятое, безразличное. Роберт понял – это Анатолий, сын Назарова. За ним в тени коридора просматривалась девушка с нежными привлекательными чертами. В глазах ее таился испуг.

– Анатолий, здравствуй... – произнес Роберт и почувствовал неуместность слов.

Анатолий отступил на шаг, молча пропустил Роберта.

Нина сидела в завешенной шторами комнате за столом, сложив на коленях собранные в узел кисти рук. Черные легкое платье и полупрозрачный платок делали ее почти невидимой в

сумраке. Она не подняла головы, ее взгляд, казалось, неподвижно упирался в узорчатые зигзаги тяжелых штор.

31

Роберт присел рядом на стул. Положил на ее руку свою. Провел по плечу. Еще минуту она неподвижно смотрела перед собой, но потом вдруг обняла Роберта, прижалась к нему, тихо

заплакала. Роберт чувствовал сдержанное вздрагивание ее холодных щек у своего виска.

– Держись. У тебя сын, держись...

После его слов Нина еще сильнее стиснула шею Роберта. Затем отпрянула, будто опомнилась от неприятных мыслей, обернулась к Анатолию, застывшему у двери:

– Толечек, зажги свет. Дядя Роберт пришел.

– Да, мама.

– Познакомь Роберта с подружкой. Леночка!

Лена неуверенно вошла, остановилась возле Анатолия, взяла его за руку.

– Дети, там, в холодильнике все. Леночка, похозяйничай, пожалуйста. Толя помоги ей. Анатолий молча последовал за Леночкой.

Дети вышли и Нина, наконец, украдкой ласково посмотрела на Роберта. Обмерила его воспаленными глазами, сказала буднично:

– Боже! Как я давно тебя видела, дорогой! Как ты?

Роберт виновато пожал плечами, словно извинился перед кем-то за неуместный вопрос своей подружки.

– Сама знаешь... – неопределенно ответил он.

Она покивала:

– Да. Я не верю, Роберт. Это не правда.

– Да...

– Я видела все, что осталось от него... Нет, его там не было. Они лгут, Роберт. Одна одежда... Но это не он. Это только одежда, – ее глаза уперлись в пол, что-то осмысленно

там

высматривали. – Так не бывает. Так просто не может быть, я знаю. Его нет, но он есть

и скоро

придет. Вот увидишь.

– Ты считаешь?

– Да. Я уверена.

– Честно говоря, мне почему-то тоже так представляется. Все это кажется несерьезным

и к

нему не относится.

– Ты тоже так решил?! – вскрикнула она. – Значит, раз и у тебя такие мысли, то я правильно считаю – он есть и придет... может быть не скоро, но обязательно придет. Он

не

может меня так бессовестно покинуть. Он же меня любит, Роберт! – она по-детски

наивно

посмотрела на Роберта, поднялась, подошла к окну, отдернула шторы, открыла шкаф,

достала

прозрачную в узорах скатерть, накрыла ею стол.

У входной двери позвонили. Дверь открыл кто-то из детей. Послышался голос Леночки:

– Папа, ты чего?..

Мужчина спокойным родительским голосом ответил:

– В гости. А что, нельзя?

Ответа не последовало, и в комнату вошел мужчина Нининого возраста. Из-за его спины выглядывало встревоженное лицо Леночки. Нина сорвалась с места, кинулась к мужчине, уткнулась ему в грудь, он нежно ее обнял, вздрагивающую.

Вскоре она оправилась, обернулась к Роберту:

– Роб, это Александр Семенович. Леночкин папа, мой очень хороший друг. Если бы не

он,

я бы тут подохла одна и умерла от тоски.

Мужчины скромно обменялись рукопожатием.

Незаметно и быстро с помощью Леночки и Анатолия стол был накрыт. Все сели молча в ожидании команды хозяйки.

32

– Люди, вы пришли к нам в гости. И другой причины за столом у нас нет, – Нина тяжело

проглотила комок в горле, – я никому не верю на слово, пока не увижу своими глазами или не

услышу лично от Володи. А он мне говорит другое. Всегда... и сейчас тоже...

Александр Семенович одобрительно кивнул:

– Ниночка, ты права, – он повернулся, надеясь на поддержку к Роберту, – признать нерешенное, значит окончательно приговорить. Роберт?

Роберт снял очки, прижал пальцами глаза, задумчиво промолвил:

– Скорей всего. Нина скажи, если можешь, когда он звонил из Майами?

Нина, застыв, молчала. Анатолий хмуро взглянул на мать, держа навису у рта полную ложку. Рука нервно вздрогнула и ложка с резким стуком упала в тарелку. Нина опомнилась, не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.